

Змея
за пазухой

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ВЫПУСК

ГЛАДЖИИ

Виталий Дмитриевич Гладкий

Змея за пазухой

Серия «Русский детектив»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6449665

Змея за пазухой: Центрполиграф; М.; 2014

ISBN 978-5-227-04758-8

Аннотация

Пословица гласит: «Старый друг лучше новых двух». Так думал и Никита Измайлов – до того времени, пока друг-детдомовец Олег Колосков не увел у него невесту. Никита стал офицером, воевал, а Колосков тем временем превратился в богатого бизнесмена, одного из главных городских воротил. Который почему-то ни с того ни с сего застрелился в своей квартире, если верить официальной версии. Спустя две недели после его смерти из рук бывшей невесты Измайлов получает письмо от Олега (что называется, с того света), в котором тот уведомлял, что за ним идет охота, что он просит у Никиты прощения и в случае своей гибели дает ему наказ позаботиться о его семье – помочь ей беспрепятственно уехать за границу. К письму прилагалась кредитная карточка на миллион долларов – за услуги. Слезная просьба бывшей любимой расследовать странные обстоятельства гибели Колоскова и в не меньшей мере деньги, которые для безработного военного пенсионера были просто

манной небесной, заставили Никиту Измайлова временно стать частным детективом...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	34
Глава 3	63
Глава 4	92
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Виталий Дмитриевич Гладкий Змея за пазухой

Глава 1 ТЕНИ ПРОШЛОГО

В дверь сначала долго и настойчиво стучали, а затем начали пинать ногой. Никита с трудом открыл глаза и какое-то время бездумно разглядывал потолок. Тот обилием подтеков разных форм и расцветок напоминал политическую карту мира. Соседи сверху заливали его квартиру регулярно раз в месяц. Никита уже устал препираться с ними по этому поводу – все равно без толку. Подавать в суд на забулдыжных соседей было сродни умопомешательству: что возьмешь с людей, которые не платят за квартиру уже год? А желание набить морду соседу Тимохе у него даже не возникало – того и так постоянно штормило, а ноги выписывали кренделя. Достаточно было просто щелкнуть пальцем по лбу, чтобы Тимоха преставился.

– Открывай! – пробасил незванный гость; дверь спальни была распахнута, поэтому Никита слышал даже тихое по-

кашливание на лестничной площадке. – Измайлов, открывай, мы знаем, что ты дома!

Неужели менты?! Пардон – полицейские. Название новое, а ухватки старые. С утра нет от них покоя... Ну наглецы! Впрочем, уже далеко не утро; Никита глянул на часы, висевшие напротив кровати, и машинально отметил, что часовая стрелка приближается к цифре «одиннадцать». Но что нужно труженикам на ниве законности от законопослушного гражданина Измайлова? Никита попытался вспомнить прошлый вечер и тут же оставил это неблагодарное занятие – в голове царила удивительная пустота, в которой редкие бестолковые мысли производили такой громкий шорох, переходящий в стук, что казалось, где-то рядом на железную плиту сыплется сухой горох. Неужели он вчера умудрился начудить?! Трудно сказать...

«Надо бы купить новый дверной звонок... – тупо думал Никита, сползая с кровати. – И вообще – с пьянками-гулянками нужно завязывать. А то моей воинской пенсии скоро не будет хватать даже на макароны по-флотски. Что не есть гут, камрад Измайлов».

В дверь опять пнули ногой, да так, что она едва не сорвалась с петель, и снова раздался неприятный голос, в котором зазвучало ржавое железо:

– Измайлов, мать твою! Не откроешь дверь – взломаем!

Никита мимоходом посмотрел на себя в большое зеркало, висевшее в прихожей, и кисло поморщился – ну и вид...

Физиономия мятая, волосы всклокочены, трусы семейные, в цветочек, до колен, а сам, хоть и высокий, плечистый, но тощий, словно мартовский кот, только жилы и мышцы.

– Кто там? – спросил Никита ради приличия.

Он понимал, что открыть все равно придется.

– Откроешь – увидишь. Поторопись.

– О чем базар. Конечно... – Никита щелкнул замком, и в прихожую ввалились два «быка» с дегенеративными рожами.

«Ба, знакомые все лица!» – едва не воскликнул Никита, вспомнив приснопамятные девяностые, когда он был пацаном. В те времена многие детдомовские мальчишки (и он в том числе) часто подрабатывали на рынке: разгружали ящики с товаром, помогали таскать теткам-«челнокам» тяжеленные сумки, сшитые из очень прочного клетчатого материала, в которые можно было запихнуть и слона, и, понятное дело, слегка подворовывали – в основном с овощных и фруктовых лотков. Попасть тогда в руки «быков», которые крышевали торговцев, – а вернее, часто обирали их едва не до нитки, – считалось чем-то наподобие Страшного суда. Мелких воришек, невзирая на возраст, «быки» били смертным боем, и многие после этого стали калеками.

– Собирайся! – бросил один из них, наверное главный, окинув Никиту с головы до ног брезгливым взглядом.

Времена тренировок – дешевых спортивных костюмов, в которых щеголяли «быки» девяностых, – давно прошли. Те-

перь они рядились в дорогие импортные костюмы и даже цепляли на шею галстук, который шел им как корове седло. Так были одеты и два незваных гостя, которые явно не имели никакого отношения к правоохранительным органам, хотя и там хватало таких же дебилов.

– Куда? Зачем? – спокойно спросил Никита и потянулся за сигаретами, которые лежали на полке.

Он даже не стал спрашивать, кто они и откуда. Обычно такие крутые на подобные вопросы не отвечают, а ежели и сподобятся на ответ, то чаще всего он выглядит как удар кулаком по сопатке. Никите почему-то не хотелось получить по мордасам прямо с утра.

– Узнаешь, – отрезал старший из «быков». – Шевели копытами! Некогда курить.

– Мне бы чашечку ко-офе выпить, ва-анну принять, привести себя в порядок... – блеющим голосом затынул Никита и едва не заржал, вспомнив почти аналогичную сценку из старого фильма «Бриллиантовая рука».

Но про шампанское для опохмела он решил не говорить; вдруг до этих двух толстолобиков дойдет весь комизм ситуации и они сочтут, что над ними издеваются. Никите очень хотелось разойтись с незваными гостями миром.

– Обойдешься! – рыкнул главный.

– Парни, по-моему, вы не в ту квартиру попали, – сказал Никита, натягивая брюки. – Я живу тихо, мирно, никому дорогу не перебежал. Ладно бы менты пришли по мою душу,

но вы-то с какого бодуна?

– Много разговариваешь, – наконец подал голос и второй «бык». – Иваныч, может, ему пасть заткнуть?

– Не спеши, Леке. Будет много балаболить – заткнем.

– А не много ли вы на себя берете, соколы? – спросил Никита.

Он почувствовал, что начинает заводиться. Это было очень нехорошее чувство. В груди вдруг появлялся жар, по мышцам словно пробегал ток, и разум начинал уступать место первобытным инстинктам. В такие моменты Никита мог убить человека не задумываясь. Но что хорошо на войне, тому совсем не место на гражданке, и Никита всегда старался сдерживаться до последнего.

– Иваныч, дай я врежу ему! Ну наглая морда... Ханурик хренов.

– Остынь, Леке, – приказал старший. – А ты, – обернулся он к Никите, – не хамя. Иначе точно получишь по тыкве.

– Как говаривал один наш бывший президент, консенсус у нас не получился, – сказал Никита, застегивая пуговицы на рубашке. – И потом, мне бы хотелось видеть ваши верительные грамоты. То бишь кто вас послал по мою душу?

– Чего? – Леке вытаращился на Никиту, как баран на новые ворота. – Ты чё базлаешь, хмырь ушастый?! Иваныч, он продолжает хамить.

– Ты сам пойдешь или тебя вынести на руках? – чересчур спокойно спросил Иваныч, однако в этом наигранном

спокойствию очень явственно прогремел грозовой раскат, не предвещающий ничего хорошего.

«Сейчас вмажет...» – подумал Никита и повеселел, наконец хоть какая-то определенность появилась, а то все бла-бла, бла-бла...

– Лучше на руках, – кротко ответил Никита. – Только мне бы туфли надеть.

– Лучше тапочки... с белыми шнурочками, – ухмыльнулся Иваныч.

И ударил. Нужно отдать ему должное – удар у него был хорошо поставлен. Будь на месте Никиты кто-нибудь другой, лететь бы ему в другой конец комнаты не долететь.

Но Никита ждал этот хук. Поднырнув под бьющую руку, он нанес основанием ладони точный удар в подбородок Иваныча. Это был прием из разряда «подлых». Никита научился так бить еще в детдоме, а в армии усовершенствовал технику. При желании можно было разнести челюсть Иваныча вдребезги. Но Никита ударил вполсилы; ему не хотелось калечить молодого еще в принципе парня (Иванычу было не более тридцати лет), который считал, что много мяса и жира на теле – это сила.

«Бык» упал на пол с таким грохотом, будто с потолка свалилась невеста откуда взявшаяся каменная глыба. Леке, стоявший позади своего товарища, на какое-то время остолбенел; он не мог поверить своим глазам. Ему казалось, что Иваныча может завалить разве что железная груша, которой ло-

мают стены старых домов.

Однако этот ступор длился недолго. Взревев, как раненое животное, разъяренный Леке кинулся вперед и получил хорошо акцентированный маваши – удар ногой в голову. Его отбросило к стене, и он лег перпендикулярно Иванычу, который был в нокауте.

Никите пришлось хорошо повозиться, пока он вытаскивал тяжеленные тела «быков», пребывающих в беспмятстве, на лестничную площадку. Он даже вспотел.

– Ты это... чего? – вдруг раздалось над ухом.

Никита даже вздрогнул от неожиданности. Он поднял голову и увидел Тимоху. Судя по его красным, как у ангорского кролика, глазам, тот страдал похмельем и шел на поиски дурачка, который мог бы ссудить ему денег на бутылку. Тимоха и его супруга были в долгах как в шелках; они назанимали у соседей и просто знакомых столько, что вернуть долги могли только в другой жизни, если она, конечно, будет. Все уже махнули на них рукой, понимая бесполезность своих претензий, и Тимоха начал «окучивать» соседние кварталы. При всем том он был хитрый, как змей, и мог забраться человеку в душу даже сквозь малейшую щелку.

– Мочканул, что ля? – Тимоха жадными глазами ошупывал одежду «быков», которые все еще пребывали в полубоморочном состоянии и не могли двинуть ни рукой, ни ногой.

– «Что ля», – перекинул его Никита. – Парни упали и больно ушиблись. Скоро придут в себя. А ты иди отсюда. И

не вздумай проверить у них содержимое карманов, когда я вернусь в квартиру! Это тебе не бомжей шмонать. Оклемаются – по стенкам размажут. Все, вали!

– Дык я что, я ничего... – Тимоха сокрушенно вздохнул и, снова бросив косой взгляд на соблазнительно оттопыренные карманы «быков», облизнулся, словно кот на сметану. – Слышь, Никита, может, займешь до получки стольник? – спросил он больше по инерции, нежели всерьез питая надежду.

Он и Никите был должен около тысячи. Но это было поначалу, когда Измайлов получил квартиру и не знал, кто есть кто в доме и в подъезде. Спустя какое-то время он начал посылать Тимоху, клянчившего очередной «грант», по известному адресу. А что касается получки, то это слово могло вызвать у любого человека, знакомого с Тимохой, гомерический смех. Он нигде и никогда не работал ни единого дня. Если, конечно, не считать работой «рейды» по мусорным бакам. Он и его жена собирали макулатуру, пластиковые и стеклянные бутылки, тряпки, металл... в общем, все то, что имело хоть какую-то ценность и что принимали пункты вторсырья.

– Держи... – Достав из кармана сто рублей, Никита всучил их Тимохе, обалдевшему от столь неожиданной щедрости.

– Никита... клянусь... гад буду – отдам! – Осчастливленный Тимоха схватил трясущимися руками деньги и помчался вниз по лестнице как молодой, хотя ему уже давно стук-

нуло сорок. – Спасибо! – послышалось запоздалое – уже из парадного.

– На здоровье... – буркнул Никита и захлопнул за собой дверь. – Пить нужно в меру, – продолжил он философски и тут же с сомнением добавил: – Но кто ее измерит, эту меру?

Его ни в коей мере не интересовала судьба «быков». По идее, он ничего им не сломал, а значит, и нечего беспокоиться. Но если они еще раз вздумают напроситься в гости, вот тогда разговор будет по-серьезнее.

Однако Иваныч и Леке предпочли убраться без лишних разборок. Что было несколько странно – такие ребята от своего редко отступают. Не выполнить приказ босса они не могли, это закон. Значит, созвонились с ним и им поступили новые указания. Какие? Кто этот босс? И что ему нужно от такой ничтожной личности, как армейский майор в отставке?

Вопросы, одни вопросы... А ответов – ноль. На душе было муторно. Никита проследил, как непрошеные гости уселись в козырный джип и отбыли восвояси, а затем отправился на кухню – выпить чашку кофе. Он не очень привечал этот напиток, больше чай гонял, но разговор с «быками» почему-то вызвал в нем непреодолимое желание услышать его запах и ощутить горьковатый вкус.

Жизнь на гражданке у него не сложилась. Вроде и не стар, здоровье еще есть и сила, но ничего, кроме должности дворника, в городской службе занятости предложить ему не могли. И то верно: у него была только одна профессия – роди-

ну защищать. Представив себя в оранжевой безрукавке и с метлой, Никита невольно содрогнулся и отказался от столь «лестного» предложения наотрез. На что сердобольная женщина, которая подыскала ему вакансию и у которой сын недавно окончил военное училище, сказала: «Напрасно вы так. Сейчас кризис, люди берутся за любую работу, чтобы выжить».

Но Никита не внял разумному совету и превратился в настоящего пенсионера со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Он много спал, вернее, отсыпался, потому как в армии сон был самой большой ценностью, часами торчал возле компьютера, смотрел телепередачи, перечитал кучу умных книг, ходил в магазин и на рынок за продуктами и иногда даже сживал на скамейке в скверике, неподалеку от дома, где обычно собирались мужики пенсионного возраста, чтобы травить байки или распить бутылку.

Монотонная жизнь, потерявшая всякий смысл, в конце концов потребовала хоть какой-то разрядки, которую Никита нашел в спиртном. Он не стал пьяницей, у него в организме был какой-то тормоз, но спиртное не могло заменить активный образ жизни, и Никита с ужасом начал сознавать, что еще год-два такой жизни – и ему грозит деградация. Тем не менее менять что-либо в своем образе жизни он не имел ни малейшего желания, и не то чтобы не хотел, а просто не мог.

Вторжение двух «быков» подействовало на Никиту словно освежающий душ. Удивительно, но он даже не глянул в

сторону буфета, где стояла недопитая бутылка водки. Обычно завтрак – чаще всего это была яичница с беконом – он начинал с рюмки. Однако сегодня даже мысль о водке показалась ему неприятной. Никита с детства обладал неплохой интуицией, которая получила дополнительное развитие в армии, и теперь он чувствовал, что главные события впереди. Визит двух мордоворотов, которые хотели отвезти его на randevу с каким-то боссом, ничего хорошего ему не предвещал. Но кому он понадобился? И зачем?

Тревожные мысли обуревали Никиту почти три часа – как раз то время, за которое он убрался в комнатах. Он и взялся за уборку только по одной причине – чтобы выбросить из головы нехорошие предчувствия. Однако избавиться от них было гораздо труднее, нежели выскрести и отмыть всю грязь, скопившуюся в квартире за месяц, и отправить в мусорный бак два больших мешка пустых бутылок от водки и разных прохладительных напитков. В конечном итоге квартира засверкала, как новенький пятак, но работа от мрачных мыслей так и не избавила.

Тогда разозленный Никита включил стиральную машину, а также музыкальный центр (почти на полную громкость) и стал готовить обед – картофельный супчик и овощной салат. Увлечшись, он чисто интуитивно определил, что к нему кто-то снова напрашивается в гости, – разудалый шансон напроць глушил все звуки, в том числе и стук в дверь.

На этот раз стучали аккуратно, можно даже сказать интел-

лигентно. Никита вырубил звук, подошел к двери и посмотрел в глазок. На лестничной площадке стояла какая-то женщина. Освещение было скудным, поэтому он не смог определить, кто это. Скорее всего, соседка снизу, решил Никита. Пришла с претензиями. Видимо, ей не понравился «концерт», который устроил Никита с помощью музыкального центра. Действительно, акустика в доме была отменной; когда Тимоха начинал ругаться со своей супругой, весь подъезд (от первого до девятого этажа) слышал потрясающие изыски устного народного творчества – по части ругани жена Тимохи могла заткнуть за пояс любого боцмана.

Никита отворил дверь и сказал:

– Будем считать инцидент исчерпанным. Я уже выключил звук.

– Нико, ты не узнал меня?

Этот тихий, до боли знакомый женский голос подействовал на Никиту как выстрел из снайперской винтовки. Он инстинктивно отпрянул назад и даже хотел закрыть дверь, чтобы избавиться от неожиданного наваждения, но в последний миг опомнился и каким-то чужим, подрагивающим голосом задал совершенно глупый вопрос:

– Ты ко мне?

– К тебе. Можно войти?

– Входи...

Она прошла в гостиную, осмотрелась. Никита взял себя в руки и уже гораздо спокойнее и тверже предложил:

– Присаживайся... Сюда.

Она села в кресло и привычно поджала ноги. Когда-то Никита очень любил эту позу. Она была потрясающе эффективной – как в журналах мод. Но у Полины (так звали его гостью) это получалось само собой. Она вообще отличалась каким-то аристократическим изяществом. У Полины была отличная фигура, и от нее просто веяло шармом, даже когда она носила дешевенькие детдомовские платица. Полина (как и Никита) была подкидышем, и можно только догадываться, кто ее родители. Но гены у нее точно непростые; ее так и прозвали – Принцесса.

Правда, не исключено, что это прозвище Полина получила за свое увлечение лицедейством. В детдоме организовали самодеятельный театр, и Полину в сказочных представлениях обычно назначали на роль принцесс. А уж роль Снегурочки она застолбила начиная с первого класса. У бойкой на язык Полины была хорошая память, и она запоминала сценарий новогодних торжеств за очень короткое время, что весьма импонировало худруку.

– Как ты нашла меня? – спросил Никита, чтобы разрядить длинную паузу.

Он уселся напротив Полины и чувствовал себя неловко под ее пристальным взглядом.

За те годы, что они не виделись, она стала еще краше. Возможно, этому способствовал искусный макияж и прочие женские ухищрения, но Полина выглядела словно кино-

звезда с обложки модного журнала. Некогда угловатая девичья фигура округлилась где нужно, стала сочной, как созревший персик. И только ее обычно искрящиеся весельем глаза поблекли, потускнели, словно покрылись темным флером. Видно было, что Полину гнетут какие-то мрачные мысли, хотя она и старалась не подавать виду.

– Мне сказали...

– Кто?

– Алеша Кривицкий. Вы с ним встречались.

– А... Понятно.

Кривицкий всегда был белой вороной среди детдомовцев. Он никогда не хулиганил, не воровал, правда, драться умел не хуже городской босоты, но старался держаться подальше от нарушителей детдомовских порядков. Видимо, это свойство характера и подтолкнуло его поступить в школу милиции. Теперь Алекс Кривицкий был важной шишкой в городском управлении внутренних дел – возглавлял убойный отдел.

Встреча с ним у Никиты получилась совершенно случайной. По приезде в город, буквально на второй день, Никита решил посетить местную «достопримечательность» – кафе-бар «Горбушка». В свое время это была примитивная забегаловка, где любой желающий (независимо от возраста и общественного положения) мог выпить сто грамм и закусить удивительно вкусным бутербродом – румяной булочкой с сосиской и сладкой горчицей. (Впрочем, не исключено, что он

был вкусным только для вечно полуголодных детдомовцев.)

Теперь «Горбушке» придали вид, соответствующий новой, капиталистической, действительности – внутри и снаружи, – но порядки и нравы остались прежними. Сюда заглядывал народ простой, не обремененный ни знаниями, ни властью, ни большим умом. Но тусовщики, которыми полнились бары в центре города, сюда не являлись – завсегдатаи «Горбушки» были привержены прежним ценностям, и желторотую молодежь, мнящую себя свободной от любой морали, часто выносили из помещения на кулаках.

Видимо, Никите в тот день сильно не везло. Конечно, принять его за молодого мажора точно не могли, но, похоже, народ смутил его костюм, белоснежная рубашка и модный галстук. Все это было новеньким, с иголки, купленным в ближайшем от дома торговом центре; другой гражданской одеждой, подешевле и поплоче, Никита еще не успел обзавестись.

В общем, слово за слово, как это обычно бывает, когда у кого-то чешутся кулаки, и завертелась нешуточная драка. Когда приехал милицейский наряд, парни, которые приставали к Никите, выглядели не лучшим образом, хотя он и старался не допустить членовредительства. И конечно же его загребли вместе со всей шебутной компашкой, которая (ясное дело!) указала на Никиту как на зачинщика драки.

Наверное, из «обезьянника» его отправили бы напрямиком в суд, но тут судьбе было угодно, чтобы Алекс Кривицкий,

проходя мимо клетки, где содержались нарушители общественного порядка, бросил на них свой «фотографический» профессиональный взгляд и узнал Никиту, сидевшего отдельно от остальных.

Дальнейшее оказалось проще пареной репы. Вместо Никиты под суд пошли истинные закоперщики драки (они отделились штрафом), а Алекс повез его на чью-то дачу, и они отвели душу в воспоминаниях, отдав должное и сауне, и богато накрытому столу. Все-таки хорошо иметь в друзьях хоть какого-нибудь, пусть даже плохонького, мента...

– А ты изменился... – Видимо, Полина не решалась сказать то, зачем она пришла к Никите, и ждала, что он сам заведет разговор на эту тему.

Но Никита не стал ей помогать. Он ответил коротко и уклончиво:

– Годы...

– Да, годы... Они так быстро пролетели... – В ее голосе прозвучала тоска и еще что-то, затаенное.

«Тебе-то чего париться? – с неприязнью подумал Никита. – Катаешься по жизни как сыр в масле. Муж – олигарх местного разлива, руководитель так называемого «Индустриального союза», почти весь город под ним, загородный дом – словно замок графа Дракулы, по несколько раз в год ездешь на заграничные курорты, тряпки носишь такой цены, что только за одну твою шубку можно купить мою двушку... Жизнь удалась. Что еще нужно девчонке, у кото-

рой по выходе из детдома за душой не было ни гроша?»

– Я к тебе по делу... – Полина нервно хрустнула пальцами; видно было, что предстоящий разговор ей неприятен, но неизбежен, и она подобралась, словно перед прыжком.

«По делу так по делу... – Никита смотрел на нее холодно и отчужденно, стараясь подавить непрошенные эмоции. – Небось, поговорив с Алексом и узнав о моем бедственном положении, решила предложить мне по старой дружбе должность садовника с хорошим окладом в своем поместье. На большее мне трудно претендовать».

– Две недели назад погиб Олег... – сказала Полина, и ее большие карие глаза вдруг наполнились слезами.

Ничего себе новость! Никита почувствовал, как его словно горящими угольями обсыпали. Он старался выглядеть невозмутимым, но внутри у него все перевернулось – Никита не знал, как реагировать на слова Полины.

Когда-то Олег Колосков и он были закадычными друзьями. В отличие от Никиты у Олега были родители. Но они уехали за рубеж, оставив его на попечение престарелой бабки, которая долго не зажила. После ее смерти Олега определили в детдом, где он и окончил школу, а затем поступил в институт.

Гораздо позже Никита узнал, что родители Олега служили во внешней разведке и погибли при выполнении какого-то задания. Друзья отца не оставили Олега без поддержки. После окончания института благодаря связям с «конторой» он

заялся бизнесом, в котором и преуспел.

Но эти моменты в биографии его бывшего друга Никиту мало интересовали и волновали. Главным было другое: Олег самым подлым образом увел у Никиты его любимую девушку. И сейчас она пришла к нему, чтобы сообщить печальную новость. Для нее печальную; смерть Олега была ему безразлична. Если раньше Никита ненавидел своего бывшего друга до сердечного спазма, то с течением времени душевная боль и ненависть уступили место пустоте; он постарался выбросить из головы все, что было связано с Полиной и Олегом.

Олег женился рано, едва окончив школу. Впрочем, он обязан был жениться, потому как девушка-одноклассница, с которой Олег встречался, забеременела. А детдомовские нравы на сей счет были строгими, поистине пуританскими: набедокурил – сам должен исправить положение. В противном случае Олега не спасли бы от физической расправы ни его недюжинная сила, ни то, что он серьезно занимался боксом (вместе с Никитой) и выигрывал городские и даже областные соревнования, ни большой авторитет среди детдомовских пацанов.

Никита влюбился в Полину, едва увидев ее. Сколько раз ему приходилось за нее драться – не сосчитать. Лишь после восьмого класса на Полину уже больше никто не осмеливался предъявлять свои права; все старшеклассники знали, что связываться с Никитой по этому поводу себе дороже. Закаленный едва ли не ежедневными драками, Никита не боял-

ся схватиться даже с парнями, которые были старше и сильнее его. Одно время к нему даже приклеилось прозвище Бешеный, хотя на самом деле он вел себя достаточно уравновешенно и, если спорный вопрос не касался Полины, всегда уступал, был готов пойти на примирение с противником.

Ему дали направление в военное училище, а Полина поступила в тот же институт, что и Олег. Никита и Полина решили пожениться сразу после окончания своих учебных заведений – школа жизни, которую преподавал им детдом, не предполагала необдуманных, глупых решений. (Только единицы – в том числе и Олег Колосков – были исключением из общего правила.) Прежде всего нужно было подумать о том, где им жить и как прокормить будущее потомство. Полина обещала ждать его сколько понадобится. Но не дождалась...

Олег бросил свою жену на четвертом курсе и сразу же женился на Полине. Она написала Никите длинное и невразумительное письмо – просила прощения и все такое прочее; в общем, обычный женский лепет в, таких случаях, – но он даже не дочитал его, порвал на мелкие кусочки. А затем с ним приключился ступор. Он словно заледенел – замкнулся в себе, перестал разговаривать с товарищами и все делал как механическая кукла.

Такое состояние длилось полгода, его даже думали отчислить из училища, посчитав, что он заболел какой-то неизвестной болезнью, если бы не один случай. Во время учений его товарищ-курсант нечаянно уронил в окоп боевую грана-

ту с выдернутой чекой, и Никита, который находился рядом, каким-то чудом успел подхватить ее и выбросить за бруствер, где она и взорвалась. Миг, когда смерть коснулась его своим черным крылом, оказался чудодейственным – Никита словно проснулся от длинного летаргического сна.

С той поры все у него наладилось, а воспоминания о Полине превратились в пепел, который он тщательно развеял по ветру. И вот она сидит перед ним и говорит ему, что потеряла любимого мужа. «Но мне какое дело до этого?!» – с неожиданной злостью подумал Никита.

И сухо ответил:

– Печально. Соболезную.

– И это все, что ты можешь сказать?! – Глаза Полины вдруг загорелись опасными огоньками.

Никите знакомо было это ее состояние. С виду мягкая и податливая, Полина мгновенно превращалась в тигрицу, когда парни распускали руки. И тогда к Принцессе лучше было не приближаться, чтобы не лишиться глаз или мужского достоинства.

– Именно так – все, – хладнокровно ответил Никита. – Или ты хочешь, чтобы я начал рыдать и от горя рвать на голове волосы?

– Какой же ты!..

– Хочешь сказать – черствый? Возможно. Тебе со стороны виднее. Я изменился, Полина, сильно изменился. Прежнего Нико уже нет. Он остался в той, *другой* жизни.

Никита ждал, что Полина вспыхнет и уйдет, так и не объяснив причину своего визита. Но она вдруг сникла, опустила голову и сказала:

– Прости. Я в отчаянии и говорю глупости... – Она полезла в сумочку и достала оттуда конверт. – Это тебе. От Олега. Я нашла этот конверт в его бумагах. Прочитай.

Письмо с того света... Надо же. Никита взял в руки конверт с внутренним трепетом и некоторое время колебался – открывать его или не надо? Он интуитивно чувствовал, что конверт может оказаться ящиком Пандоры, который наполнен несчастьями. Но с другой стороны, что ему оставалось делать? Демонстративно отшвырнуть конверт и выгнать Полину вон? Так поступить он не мог, хотя в свое время просто мечтал сделать нечто подобное.

подавив тяжелый вздох, Никита решительно открыл конверт, достал оттуда сложенный вчетверо лист бумаги – письмо было написано от руки, почерком Олега, это несомненно, – и начал разбирать его каракули:

«Здравствуй, Нико! Здравствуй, мой старый, добрый друг! Если ты держишь в руках это письмо, значит, я уже мертв. Поэтому буду предельно краток и откровенен. Ты вправе выбросить этот листок, я поступил с тобой подло, признаю. Прости меня, если сможешь. Но все-таки дочитай письмо до конца. За моим бизнесом идет охота, меня заказали, я это знаю, так что жить мне осталось недолго. Кто за-

казчик, это не суть важно. Главное другое. Я хочу, чтобы ты позаботился о Полине и нашей дочери. Им нужно покинуть страну. Но боюсь, это будет очень трудно сделать. Я намеревался отправить их за рубеж, но ты ведь знаешь Полину – оставить здесь меня одного она отказалась наотрез. А уехать вместе с ними я не мог. Меня держат очень важные и срочные дела. Только боюсь, что завершить их мне не удастся...

Нико, я сильно тебя обидел. Но это жизнь. Так получилось... За все нужно платить. Заплачу и я. В том числе и тебе.

В конверте лежит кредитная карточка на миллион долларов. Они положены в банк на твое имя. Только не становись в позу! Это не подачка и не откупные. Деньги эти – плата за твои услуги. Только ты можешь спасти жизнь самых дорогих мне на этом свете людей. Больше мне обратиться не к кому. Все, кто меня окружает, люди продажные, без чести и совести. Уж я-то знаю.

Прощай, Нико, и еще раз – прости. Я верю, что ты не откажешь в моей последней просьбе».

Никита заглянул в конверт и увидел там кредитную карточку. Полина сидела как на иголках; видимо, ей очень хотелось узнать содержимое письма. Криво улыбнувшись, Никита отдал ей листок. Она быстро пробежала взглядом по неровным строчкам и нервно всхлипнула.

– Ваши деньги мне не нужны, – решительно сказал Ники-

та. – Олег слишком расточительный... был. Я переведу их на твой счет. Они тебе еще понадобятся. Дай мне только свои реквизиты.

– Ты... отказываешься мне помочь?

– Ты всегда была догадливой. Мне кажется, Олег чересчур сгустил краски. Не думаю, что тебя и твою дочь попытаются убить. На худой конец, попроси Алекса, пусть он договорится, чтобы вас охранял ОМОН. Парни проводят тебя до самого аэропорта за вполне умеренную плату. И им заработок, и вы будете в безопасности. Кстати, как Олег погиб? Снайпер?..

Полина какое-то время молчала, а затем глухо молвила:

– Он застрелился.

– Ну вот, видишь... Его письмо ко мне – это просто паранойя нувориша... пardon за слово. Нервы – не более того. Не выдержал чрезмерного напряжения – бизнес в нашей стране, тем более большой, занятие не для слабонервных – и пустил себе пулю в лоб. Такое случалось и у нас, в армии, правда, по другим причинам. Человек не железный.

– Его убили, убили, убили! – сорвалась Полина.

Она заколотила кулачками по креслу и зашла в рыданиях. Испуганный, Никита метнулся на кухню, принес стакан воды и едва не насильно влил ей в рот несколько капель. Рыдания тут же прекратились, а слезы мгновенно высохли. Видимо, Полине стало стыдно за свой срыв; промокнув щеки крохотным кружевным платочком, она сказала, не глядя на

Никиту:

– Олег не мог покончить жизнь самоубийством. Не мог!
Не такой он человек.

– Почему не мог?

– Потому что у него были МЫ – я и Настя. Он не мог уйти из жизни, не обеспечив нашу безопасность. Или ты так ничего и не понял из его письма?

– Понял, не понял... Все это, как говорят менты, к делу не пришьешь. Угрозыск с этим делом разбирался?

– Да.

– Ну и что?

– А ничего. Олег выстрелил себе в висок из своего пистолета. Дело закрыли.

– Но его могли принудить, наконец, просто застрелить, а затем вложить в руку оружие.

– Могли. Но в деле есть одна закавыка – все окна были закрыты на задвижки, потому как работал кондиционер, а входную дверь квартиры Олег запер на засов.

– Квартиры?..

– Кроме загородного дома, у нас есть еще и квартира в новом здании, недалеко от офиса Олега, – объяснила Полина. – Когда он допоздна задерживался на работе, то обычно там ночевал. Иногда он оставался в квартире и на выходные – чтобы поработать с бумагами. Олег говорил, что загородный дом его расслабляет и там он никак не может, в отличие от квартиры, настроиться на деловой лад.

«Пооди, девок водил...» – подумал Никита и скептически ухмыльнулся.

– Нет! – Полина, которая внимательно наблюдала за реакцией Никиты, словно подслушала его мысли. – У Олега не было любовницы! Я точно знаю.

– Ну уж – точно...

– За это я ручаюсь! – решительно отрезала Полина.

«Чай, проверяла муженька... – понял Никита недосказанное. – В молодости Олег не пропускал ни одной юбки».

– И все-таки тебе нужно уехать, – сказал Никита. – Судя по сумме, которую Олег отвалил мне с барского плеча, денег, которые лежат на его зарубежных счетах, вам с дочерью хватит до нового пришествия.

– Я не могу уехать! Не могу! По крайней мере... в ближайшем обозримом будущем – пока не подберу толковый менеджмент и исполнительного директора «Индустриального союза». Мне просто не на кого бросить бизнес – людям, с которыми работал Олег, я не доверяю. Все они проходимцы. Если я сбегу из страны, компания мигом развалится и сотни людей потеряют работу.

Никита пожал плечами и ответил:

– Как знаешь... Хозяин – барин. Если компания, а значит, и деньги тебе дороже жизни – милости просим на кукан. Ежели твои выводы верны и Олег написал письмо не под влиянием сиюминутного порыва, навеянного душевным раздраем или доброй порцией спиртного, то за твою жизнь я

не дам и ломаного гроша. Даже если я стану твоим телохранителем, то все равно не смогу уберечь тебя, к примеру, от пули снайпера. Один в поле не воин.

– Во-первых, о том, чтобы ты стал моим телохранителем, речь не идет. А во-вторых, у меня есть личная охрана, которая не хуже, чем у самого премьер-министра.

«Ну, это тыхватила через край, дорогуша, – скептически подумал Никита. – Премьер-министра охраняет *система*, а тебя, чай, отставники, любители хвастаться прошлыми заслугами, и бандиты, живое мясо, бестолковые и слабообученные».

– Так это твои «быки» приезжали звать меня на randevу к какому-то боссу? – догадался Никита.

– Какие «быки»? – удивилась Полина. – О чем ты?

– Перед обедом ко мне ввалились два мордоворота, и мне пришлось настоятельно попросить их очистить помещение.

– А... – Полина вдруг покраснела и покаянно опустила голову. – Да... мои. Но это не я их послала!

– Тогда кого они именовали боссом? Это серьезная кликуха.

– Начальника нашей... моей охраны. Он превратно истолковал мое распоряжение и послал к тебе настоящих придурков. Тебя должны были вежливо пригласить, при этом сказать, к кому именно. Они уже уволены.

– Лучше уволь начальника охраны. У него явно наполеоновские замашки. И потом, с какой стати ты решила, что я

примчусь на встречу с тобой по первому твоему зову? – В голосе Никиты прозвучали резкие нотки. – Я ничем не обязан ни Олегу, ни тебе. Вы для меня посторонние люди. Я верну деньги, и мы расстанемся как в море корабли. Хотя бы потому, что мне непонятна моя роль во всей этой истории. Олег пишет «спаси жизнь самых дорогих мне людей»; но как я могу это сделать?

– Очень просто – найди тех, кто убил Олега. Ты только укажи мне пальцем на них, остальное не твоя забота.

На красивом лице Полины появилось хищное, неприятное, даже отталкивающее выражение, и Никита невольно подумал: «Верно говорится: муж и жена – одна сатана. Теперь мне понятно, почему Полина предпочла выйти замуж не за меня, а за Олега. А я, юный, наивный дурачок, считал ее образцом прекраснотуши. Впрочем, деньги меняют человека. А большие деньги – тем более».

– Судя по тому, что ты рассказала, у меня нет твоей уверенности в том, что Олега убили. Кроме того, я не частный детектив. И к этой профессии не имел и не имею ни малейшего отношения.

– Я знаю. Но мне хорошо известно и другое – у тебя аналитический склад ума. Я помню, какие сложные загадки ты распутывал в нашу детдомовскую бытность. Да и твой воинский опыт дорогого стоит.

– Когда это было – детдом... Тогда мы просто играли. А игра отличается от жизни, как учебный бой от настоящего.

– Нико, я даже не прошу тебя – умоляю! Заграница меня все равно не спасет! Нас с Настей и там достанут. Мы ведь наследники. На кону огромные деньги, и люди, приговорившие Олега, не остановятся ни перед чем. Их нужно опередить и обезвредить. Нико, пожалуйста... – Полина заплакала. – Хочешь, я встану перед тобой на колени? Спаси нас... меня, Настю... – Она начала сползать с кресла, но Никита вовремя подхватил ее под мышки и вернул на прежнее место.

– Перестань! – прикрикнул он срывающимся голосом. – Не дави мне на психику! Ладно... я попробую. Но если у меня ничего не получится – уж не обессудь.

– Получится, у тебя все получится! – горячо воскликнула Полина. – Я в этом уверена!

«Какого черта! – думал в это время Никита. – Тоже мне честняга. Тебе в руки плывут такие деньжищи – до последнего дембеля можно прожить без забот, – а ты строишь из себя целомудренную личность. В конце концов, от меня не требуется, чтобы я жилы рвал в поисках мифических убийц Олега. (А в том, что он покончил жизнь самоубийством, можно не сомневаться – в уголовном розыске не дураки сидят.) Главное, изобразить бурную деятельность – чтобы Полина отстала. Скорее всего, у Олега и Принцессы мания преследования. Есть такой бзик у богатых. И вообще – чем я рискую? За ее жизнь отвечает охрана. Мое дело что-то там искать,ковыряться в грязном белье. За «лимон» неубитых американских

енотов можно и попотеть...»

Охрана Полины и впрямь впечатляла. Едва она вышла из подъезда, как ее тут же окружили плотным кольцом, усадили в бронированный «мерседес», и кортеж в сопровождении двух «хаммеров», набитых под завязку вооруженными бойцами, вырвался на проспект под звук сирены и блеск мигалок.

Круто, подумал Никита. Провинция рулит. Но это все понты, показуха. Если Полину и впрямь надумают убрать, то ее не спасет даже танк в качестве личного транспорта.

«Будем надеяться, что она ошибается, и никто даже не думает открывать на нее охоту. – Никита закурил и выпустил несколько дымных колец. – Будем надеяться... А завтра, прямо с утра, примемся за дело. – Он несколько нервно хохотнул. – Тоже мне частный детектив без лицензии... Терпеть не могу дилетантов, а поди ж ты, теперь придется побыть в их шкуре. Да уж, судьба умеет преподносить сюрпризы...»

Глава 2

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Пожалуй, впервые за последний год Никита поднялся в шесть утра. И даже сделал зарядку. Давно не тренированные мышцы отозвались болью, и он решил, что просто обязан вернуть прежние физические кондиции, коль записался в частные детективы. Где-то глубоко внутри угнездились беспокойство; Никита пытался не думать ни о чем плохом, но чувство тревожности не покидало его с того момента, как Полина покинула его квартиру.

Весь прошлый опыт предостерегал его от пока неведомой опасности. Никита отдавал себе отчет в том, что впутался в опасные игры богатых, а это уже не шутки. Хорошо, если свое письмо Олег и впрямь писал под винными парами и то, что его заказали, не более чем вымысел. А если это правда? Если и впрямь некто, имеющий большие деньги и власть, нацелился на компанию Колосковых? Как быть тогда?

«Тады ой...» – не без внутренней дрожи ответил сам себе Никита, допивая свой утренний чай.

Поставив чашку в мойку, он с нетерпением посмотрел на свои «командирские» – часы показывали половину восьмого. К этому времени Полина обещала прислать за ним машину, чтобы он мог осмотреть квартиру, из которой Олег от-

правился в свое последнее путешествие.

Личного авто у Никиты не было – как-то не сложилось. Пока тянул армейскую лямку, машина была ему не нужна, а когда ушел в отставку, то оказалось, что его накоплений хватит лишь на подержанный жигуленок. Ездить на ржавой консервной банке Никита не имел ни малейшего желания, поэтому мысль о личном авто он сразу же выбросил из головы как несущественную, тем более что машина никогда не была для него пределом мечтаний, как для некоторых сослуживцев.

Ровно в половине восьмого раздался стук в дверь. Стучали по-мужски уверенно, но без нахрапистости, что Никита сразу же отметил не без некоторого самодовольства. «Ученые – свет...» – вспомнил он вчерашних «быков» и ухмыльнулся. Конечно же Полина прислала кого-то из своей охраны – самой ей наносить повторный визит было не к лицу. И то верно – кто он и кто она. Каждый сверчок должен знать свой шесток.

– Кто там? – спросил Никита на всякий случай.

При этом по устоявшейся армейской привычке он встал не перед дверью, а сбоку, за стенкой. Разве угадаешь, что задумал человек, который находится на лестничной площадке? А ну как выстрелит через дверь из какого-нибудь крупнокалиберного ствола. В его военной жизни такие моменты случались. Тем более что дверь в квартире была из советских времен – деревянная рама, на которую набили толстый кар-

тон и обтянули коричневым дерматином.

– Я от Полины Николаевны, – раздался сильный звучный голос. – Как договаривались...

Никита открыл дверь и увидел крепко сбитого мужчину его возраста (или чуть помоложе) с холодными неподвижными глазами серо-стального цвета. Едва взглянув на него, он сразу понял, что перед ним стоит бывший военный, притом профессионал высокой пробы. Никите были хорошо знакомы и такие глаза, и особенный прищур, который выдавал высокую готовность мгновенно взорваться и нанести упреждающий удар, и льдинки, таившиеся в зрачках, подсказывающие искусственному наблюдателю, что убийство для такого человека не более чем мелкое недоразумение.

– Я готов, – ответил Никита с непроницаемым выражением лица и захлопнул за собой дверь.

Он спустились по лестнице, и вскоре новенький джип влился в бесконечный поток машин, не прекращавшийся ни днем ни ночью. За рулем сидел сам посыльный.

«Сбылась сокровенная мечта советского человека... – думал Никита, когда они застряли в очередной пробке (к его удивлению, джип был без мигалки). – Когда-то каждая семья хотела иметь машину. Теперь автомобиль есть у многих, да почти у всех. Но если раньше до работы доезжали трамваем за двадцать минут, то нынче машиной и за два часа не доберешься. Grimасы капитализма... чтоб ему пусто было».

Многоэтажный дом, в котором Колосков купил себе квар-

тиру, был совсем новый, из разряда козырных. Отделанный облицовочным кирпичом и полированным гранитом, с мачтами ночной подсветки и высоким кованым забором, через который так просто не перебраться, он казался башней средневекового замка. Во дворе росли деревья, различные экзотические растения и цветы, а все дорожки были выложены тротуарной плиткой. Немного сутуловатый дедок в живописной соломенной шляпе – видимо, дворник – поливал газон, и водяная пыль от разбрызгивателя нарисовала в воздухе радугу. Никита счел ее хорошим предзнаменованием и немного приободрился.

Мужчина, которого Полина послала к Никите, оказался начальником ее охраны. Собственно говоря, Никита почему-то так и подумал, едва взглянув на его каменное лицо. Босса вчерашних «быков» звали Альберт, так он представился. Похоже, к отчеству он еще не привык. Все верно, в армии у офицера, рангом ниже подполковника, есть только имя (для своих) и звание – для вышестоящих и подчиненных. Всю дорогу они ехали молча, и это молчание для Никиты было почему-то совсем не в тягость.

Альберт набрал код цифрового замка на калитке, она отворилась с мелодичным звоном, и они направились к нужному подъезду (их было два). На удивление, консьержка в доме отсутствовала. Зато им пришлось преодолеть две металлические двери, прежде чем они добрались до лифта; первая имела такой же цифровой замок, как и калитка, а чтобы от-

крыть вторую, нужно было, кроме цифрового кода, еще воспользоваться и электронным ключом.

«Войти в подъезд случайному человеку очень непросто, – отметил про себя Никита. – Если не сказать невозможно. Что подтверждает официальную версию следствия – произошло банальное самоубийство. Конечно, киллера могли впустить жильцы, но тогда нужно искать среди них пособника. Что тоже маловероятно».

– Вам на двенадцатый этаж, – сухо сказал Альберт, вызывая лифт. – Вас там ждут.

– Понял. Спасибо, – таким же тоном ответил Никита.

Их глаза встретились, но Никита даже не мигнул, смотрел на Альберта словно сытый удав – холодно и отрешенно. Он еще не разобрался до конца, что за птица начальник охраны Колосковых, поэтому любые эмоции исключались.

Первым отвел взгляд в сторону Альберт; видимо, он давно не встречал достойного противника. Хотя почему противника? По идее, он должен быть первым помощником Никите. Ведь завалили его хозяина (если это и впрямь так). А значит, Альберт должен быть кровно заинтересован в раскрытии преступления.

Тем не менее особого рвения он не выказывал. Казалось, ему все безразлично, хотя Полина – в этом Никита совершенно не сомневался; такие вещи начальник охраны должен знать в обязательном порядке – конечно же рассказала ему, кем является его пассажир и чем он будет заниматься.

Его встретили не охранники с ключом от квартиры, как можно было предполагать, а сама Полина. Видимо, Альберт позвонил ей с мобильного. С сильно побледневшим лицом, она стояла у открытой двери (сейфового типа, с двумя замками и засовом) и судорожно комкала в руках носовой платок. Видно было, что Полина плакала, и скорее всего навзрыд, но дорогая тушь на ресницах выдержала это испытание и не поплыла черными ручейками по щекам.

Неужели она и впрямь сильно любила Олега? А что, если это ее очередная театральная реприза? Никита еще с детдомовских времен знал, что Принцесса – большая притворщица. Что, если именно она впустила киллера в квартиру? Ведь получить полную свободу действий и кучу денег в придачу – мечта многих замужних женщин.

Кто знает, как Олег с ней обращался. Принимая во внимание его жесткий – даже жестокий – характер (в лихие девяностые прекраснодушные бизнесмены просто не выживали), можно было с уверенностью сказать, что скандалы в семье Колосковых случались. Вопрос лишь заключался в том, как часто и не давал ли Олег волю рукам.

Но если Полина замешана в убийстве мужа, то зачем тогда она пришла к нему с просьбой разобраться в этом деле? Зачем, зачем... А затем, что Олег написал письмо. Она ведь не могла знать, связывался ли с ним Олег незадолго до своей смерти или нет. Было бы странно с ее стороны не среагировать на «завещание» мужа. Странно и подозрительно.

– Входи... – тихо сказала Полина, круто развернулась и заскочила в прихожую, а затем и в ванную.

Сначала из ванной доносился тихий, приглушенный плач, а затем шум текущей воды – видимо, Полина приводила себя в порядок. Ох уж эти женщины... Никита вспомнил статью в газете, в которой рассказывалось об одной известной актрисе, которая в очень преклонном возрасте не укладывалась спать, не сделав макияжа и не накрасив губы. Когда ее спрашивали, зачем она это делает, актриса отвечала: «Я хочу хорошо выглядеть и в гробу».

Никита аккуратно притворил дверь, которая закрылась с мягким всхлипом – точь-в-точь как дверка «мерседеса» представительского класса, и попробовал засов. Он был прочным, массивным, но ходил в пазах легко и свободно. Никита присмотрелся и увидел, что засов недавно смазывали, да так щедро, что несколько капель смазки – скорее всего машинного масла – упали на пол.

– После... м-м-м... смерти Олега квартиру убирали? – спросил Никита, когда Полина наконец вышла из ванной, лишь бы сказать что-то умное; ведь он теперь, как ни крути, а «при исполнении».

Теперь ее лицо выглядело как на картинке: легкий румянец, чистая, слегка припудренная кожа и широко распахнутые глаза, в которых не было и намека на горе и недавние слезы. Да уж, подумал Никита, мужчины выглядят как могут, а женщины – как хотят. Удивительная метаморфоза...

– Нет, – ответила Полина. – Не до того было.

– А кто вообще здесь убирался?

– Олег приглашал уборщицу из офиса. Но она занималась уборкой только в его присутствии и не очень часто – обычно раз в неделю.

– У уборщицы были ключи от квартиры?

– Насколько мне известно – нет.

– А в *тот* день она убирала?

– Нет.

– Это точно?

– Точнее не бывает. Она работала в офисе допоздна, потом за ней заехал зять, как доложила охрана, и отвез домой.

– В котором часу Олег... умер?

– Уборщица еще была в офисе, если ты об этом. Так что у нее стопроцентное алиби. Судмедэксперт дал заключение, что Олега не стало в пятницу, около семи вечера.

– М-да... – Никита сумрачно посмотрел на Полину. – А в котором часу он подъехал к дому?

– Альберт сказал, что в половине третьего. Он проводил его до самой квартиры. Была пятница, а в этот день Олег обычно уходил из офиса пораньше.

– Почему?

– Чтобы поработать над планом мероприятий на следующую неделю. Он не хотел отнимать ни у себя, ни у нас с Настей выходные дни. Мы и так его редко видели. Уезжал он из дому рано, а приезжал – когда мы уже спали. А еще различ-

ные деловые поездки... Олег очень скучал по Насте. И она в нем души не чаяла. Как теперь будет... – Полина прикусила нижнюю губу, чтобы вновь не расплакаться.

– Я хотел бы осмотреть квартиру.

– Смотри, – ответила Полина и скрылась на кухне.

Квартира была пятикомнатной, очень светлой и просторной. Но в ней не чувствовалось обжитости. Даже подписные издания в двух книжных шкафах – еще с тех, старых времен – стояли нетронутые, сверкая первозданной позолотой корешков. Наверное, Олег прикупил это добро по случаю у отъезжающих за границу – для понта. Сам он не был большим любителем чтения художественной литературы.

Дорогая мебель казалась экспонатом выставки – на диванах не было даже привычных подушек-думок, на паркетном полу не наблюдалось ни единой царапинки, а большие напольные часы с боем (Никита даже вздрогнул, когда в гостиной раздалось: «Бомм, бомм...») отставали на сорок две минуты. Видимо, они просто украшали интерьер, а не выполняли присущую им функцию.

Шкафы в спальнях оказались практически пустыми. Только в одном из них лежала стопка чистого постельного белья. А в платяном шкафу Никита нашел несколько новых рубашек, четыре костюма, с десятков галстуков, носовые платки, спортивные трусы и три пары туфель, из которых только одни были надетые. Заглянул он и в ванную, чтобы покопаться в бельевой корзине. Но там, кроме ношенной

рубашки и носков, ничего не было.

А где же пузырек с машинным маслом, которым смазали засов? Никита даже под кровати заглядывал, но масленка словно испарилась, хотя в железном шкафчике на балконе разных инструментов было полно. Там же стоял импортный слесарный верстак с тисками и небольшое электрическое точило. Похоже, Олег оборудовал на балконе небольшую мастерскую.

Тогда он прошел на кухню, осмотрел кухонные шкафы (посуда была в наличии, причем очень дорогая, эксклюзивная, но, похоже, ею не пользовались) и даже вытащил из-под мойки мусорное ведро. Но оно оказалось пустым, если не считать нескольких окурков. Полина сидела за столом и наблюдала за ним отсутствующим взглядом. Видимо, в мыслях она была далека от реалий.

– В квартире много различных инструментов, – сказал Никита. – Это что, хобби Олега?

– Олег в квартире чинил все сам, – ответила Полина, спустившись с небес на землю; для этого ей понадобилось с силой потряхнуть головой. – Он любил ковыряться в железках. И в загородном доме у нас есть мастерская. Да, пожалуй, можно сказать, что это его хобби. Он говорил, что, когда работает руками, ему лучше думается.

– Понятно. Воспоминания о трудовой юности...

В детдоме девочек учили шить и поварскому искусству, а мальчиков – слесарничать.

– Не помнишь, масленка в квартире была? – спросил Никита, не надеясь на положительный ответ.

– Масленка? – Полина наморщила лоб. – Почему ты спросил?

– Да так... просто, – уклончиво ответил Никита.

– По-моему, ты что-то недоговариваешь... – Взгляд Полины сделался подозрительным. – В нашем последнем телефонном разговоре Олег тоже завел разговор о масленке. Он позвонил мне, как только оказался в квартире.

Никита почувствовал, что у него вспотели ладони. Неужели удача?!

– О чем он говорил? – спросил Никита, стараясь унять нервную дрожь; им начал овладевать сыщицкий азарт.

– Злился.

– На кого?

– На самого себя. Что забыл заехать в магазин и купить машинного масла.

– Зачем?

– Ну, не знаю... Он не сказал. Может, дверные петли хотел смазать. А может, еще чего. Но это было сказано вскользь. Потом мы начали говорить о других вещах... – Полина вдруг всхлипнула. – Мы очень долго разговаривали... будто прощались. Потом я передала трубку Насте.

Двери в квартире и впрямь поскрипывали, в том числе и входная. Мог Олег выйти в магазин, чтобы купить машинного масла? Мог. Но почему тогда он смазал только засов?

И наконец, где же все-таки масленка?!

Впрочем, вряд ли Олег решился бы выйти на улицу без охраны, вспомнил Никита письмо, – это означало самолично подписать себе смертный приговор. А Олега никак нельзя было назвать простофилей. Он всегда все рассчитывал и просчитывал до мелочей. И отличался постоянной настороженностью. Это было свойством его натуры.

Насколько Никите было известно, в первые годы занятия бизнесом Олег ночевал где угодно, только не в своей квартире. На него не раз пытались наехать по-крупному, но это было все равно что поймать ветер в поле. Постепенно он освободился от своих врагов – кого обанкротил, кого перекупил и привлек на свою сторону, а кому дал путевку на небеса, – но осторожности и предусмотрительности не утратил.

Впрочем, похоже, это ему мало помогло...

Никита вернулся к входной двери и достал из кармана большую красивую лупу в латунной оправе. (Как она очутилась в его квартире, он не имел ни малейшего понятия, – наверное, это был подарок кого-то из сослуживцев на день рождения; Никита случайно нашел ее в одном из ящиков старого буфета, и теперь лупа оказалась очень кстати.) Идея, которая неожиданно пришла в голову, показалась ему совсем уж сумасбродной, но он ведь должен был хоть что-то делать, изображая перед Полиной сыщика.

Никите не раз приходилось читать детективы (особенно последний год), чаще всего иностранные, в которых обсто-

ательно описывались фиктивные самоубийства в закрытых комнатах. А что, если и в случае с Олегом кто-то состряпал подобный трюк? Но это можно было сделать, лишь каким-то образом задвинув снаружи засов... который очень легко и свободно двигался в пазах, не скупо, кстати, смазанных маслом.

Мысленно посмеиваясь над собой – тоже мне комиссар Мегрэ; надо же, до чего додумался, – он начал внимательно изучать замки. И почувствовал необычайное волнение – есть! У него даже ладони вспотели. Похоже, его догадка не совсем уж фантастическая – в обеих замочных скважинах виднелись ворсинки!

Никита собрал их в небольшой пластиковый пакетик (что было весьма нелегкой задачей: пришлось вместо пинцета воспользоваться двумя зубочистками) и пошел на балкон, в мастерскую Олега. В одном из ящиков слесарного шкафчика лежал небольшой моток тонкого и прочного шпагата. Посмотрев на него через лупу, Никита почти перестал сомневаться в правильности своей версии – волокна, из которых был сплетен шпагат, имели ворсинки, похожие на те, что лежали в пакетике.

Он отрезал длинный кусок шпагата, пошел к входной двери и занялся странными манипуляциями: накинув шпагат на рукоятку засова, который был расположен между замками, он пропустил свободные концы через замочные скважины и с удовлетворением улыбнулся. А затем позвал Полину.

– Сейчас я покажу тебе фокус, – начал Никита, едва сдерживая торжество. – Смотри...

Он закрыл входную дверь, с силой потянул за выпущенные наружу концы шпагата, и засов, мягко щелкнув, встал на свое место. Изнутри раздался приглушенный возглас. Теперь уже Никита тянул за один конец своего нехитрого приспособления, и вскоре кусок шпагата оказался у него в руках.

– Открывай, – сказал он Полине.

Дверь отворилась, и Полина уставилась на Никиту своими глазами, которые стали еще больше, уж неизвестно отчего – от удивления или страха.

– Тайна закрытой комнаты приказала о себе долго помнить, – усмехнулся Никита. – Теперь я практически не сомневаюсь, что Олега убили.

– Но кто?!

– Ты хочешь, чтобы и мед был и чтобы его можно было ложками есть. Я не экстрасенс. И даже не частный детектив. Могу лишь сказать, что это был кто-то из своих. Чужого человека Олег вряд ли впустил бы в квартиру. Не так ли?

– Так.

– Но как менты не сообразили, что засов можно закрыть, находясь снаружи? Стоило лишь более внимательно осмотреть замочные скважины, и версия «самоубийство» стала бы более чем сомнительной. К тому же Олег не оставил предсмертной записки, что совсем уж странно. Письмо ко мне не в счет. Оно из разряда «бабка надвое гадала – то ли будет, то

ли нет». И нашла ты письмо слишком поздно для следствия.

– Для следователя самоубийство было совершенно очевидным! Даже я поначалу купилась на его утверждения. Дверь заперта на засов, окна тоже закрыты, никаких следов вторжения нет, пистолет принадлежал Олегу, на нем отпечатки его пальцев...

– Очевидное – невероятное... – буркнул Никита. – Как говаривал один из моих командиров: «Сегодня – суббота, завтра – воскресенье, чертовски хочется поработать». Когда нашли Олега? В субботу? Я так и думал. Наверное, следак рвался на волю, в пампасы, то бишь отдохнуть на природе. А тут такое совершенно тривиальное дельце – человек пустил себе пулю в лоб. Резюме – самоубийство. Накропал нужную бумажку – и свободен, гуляй до понедельника. Кстати, кто его нашел? И как так вышло, что это случилось именно в субботу? По идее, Олега должны были обнаружить в понедельник.

– Олега нашла я... – Полина нервно сглотнула. – Я как чувствовала, что с ним произошло что-то неладное. Сны кошмарные снились... Брр! – Она вздрогнула. – Ужасно... Утром, едва рассвело, я позвонила Олегу. Но он не отвечал ни по мобильному телефону, ни по городскому. Я пыталась дозвониться до него полдня. А потом с Альбертом мы поехали на квартиру.

– Кто вскрывал дверь?

– Как ее вскрыешь? Дверь швейцарская, из закаленной

стали, выполненная по спецзаказу, – не из тех консервных банок, что предлагают в строительных магазинах. В квартиру вошли через балкон – вырезали стекла балконной двери. Альберт вызвал милицию, а они – специальную вышку.

Балконная дверь была в порядке, отметил про себя Никита. Похоже, ее заменили в тот же день. И несомненно, по указанию Альберта. Надо же, какой заботливый...

– Кто подал идею – вызвать ментов?

– Альберт. Я находилась в панике и мало что соображала.

– Понятно... – сказал Никита.

И подумал: «Что ничего не понятно... Как по мне, так нужно было не терять времени на вызов милиции, а побыстрее вызвать скорую и проникнуть в квартиру. Ведь у Олега мог случиться инфаркт или инсульт, и в таком случае ему требовалась срочная медицинская помощь. Ан нет, Альберт почему-то решил прежде всего вызвать оперативную группу. Догадывался, что его шефу пришли кранты? Догадывался или знал? Впрочем, как говаривал мой наставник, офицер должен быть постоянно в состоянии эмоциональной вздрюченности, нос по ветру, ширинка расстегнута, готовность к немедленным действиям – повышенная. Тогда из него выйдет толк. Видимо, эту прописную армейскую истину Альберт хорошо усвоил. И теперь старается изо всех сил, потому как не хочет потерять высокооплачиваемую работу. Выслуживается перед Полиной, бежит впереди паровоза. Ведь вместе с усопшим хозяином выбрасывают и его стоптанные тапочки».

– Я не спрашиваю, были ли у Олега недруги, – продолжал Никита. – Враги – это естественное приложение к бизнесу, особенно большому. Кто они, ты знаешь?

– М-м-м... Нет... – несколько растерянно ответила Полина. – Не знаю. Олег никогда не посвящал меня в свои дела.

– Плохо. В любом расследовании, как я себе его представляю, нужно плясать от печки. Но где она? Где тот самый главный злодей, на котором нужно сосредоточить особое внимание? Его нет. А такого не может быть.

– Не может... – словно эхо, повторила несчастная Полина.

– Ты подумай над этим вопросом, пока я буду ковыряться на «нижних этажах», образно выражаясь. Это серьезный вопрос. Если не знаешь ты, то, возможно, об этом осведомлены помощники Олега, «верхние этажи», – менеджеры, директора его фирм, даже секретарша. Я ведь с ними, в отличие от тебя, незнаком и не имею на них никакого влияния, чтобы разговаривать. Я даже не знаю, сколько предприятий входит в «Индустриальный союз».

– Много...

– Вот видишь. Поэтому сама попробуй навести справки. Это очень важно. Вдруг и сыщется какая-нибудь зацепка.

– Сделаю.

– И забери у уборщицы ключи. Пусть все остается в квартире как было.

– Заберу...

На этом их беседа закончилась, и они покинули квартиру.

– Для работы мне потребуются автомобиль и фотоаппарат, – заявил Никита, когда за ними с мягким всхлипом закрылись двери шикарного лифта. – Я ведь безлошадный.

– Машина ждет внизу, – ответила Полина. – В бардачке найдешь фотоаппарат и бинокль.

– Это кто же такой предусмотрительный?! Ты?

– Увы, нет. Альберт.

Да-а, начальник охраны и впрямь незаурядная личность. Может, он умеет и мысли читать на расстоянии? Не успел Никита подумать, что неплохо бы иметь тачку – ногами по городу много не набегает, – как она уже нарисовалась, подогнали прямо к подъезду. Непростой мужик этот Альберт. Надо быть с ним поосторожней...

– Признаю, я был в отношении его не прав, – покаянно сказал Никита.

– Ты о чем?

– О том, что усомнился в способностях Альберта возглавлять охрану.

– Он был очень предан Олегу! И вообще, Альберт хороший человек.

– Ну-ну, не нужно горячиться. Я же сказал – каюсь.

Когда они выходили из подъезда, Полина сказала:

– Запиши номер моего мобильного. Держи меня в курсе. Если понадобится помощь, звони Альберту.

– Записал. До свидания... – Никита расшаркался, он продемонстрировал вежливость и предупредительность, потому

как Полину ожидали пять лбов во главе с Альбертом, которые смотрели на него, как некий вождь мирового пролетариата на буржуазию.

Наверное, мальчики были сильно расстроены, что он так нелюбезно обошелся с их коллегами...

Кавалькада из трех машин умчалась, а Никита остался стоять с ключами от квартиры в руках возле вполне приличной «ауди». Полина оставила ему ключи «на всякий случай» – так он мотивировал свою просьбу. Никита не мог сказать ей, что ему хотелось бы осмотреть квартиру более тщательно. Просто он хорошо знал Олега и не мог поверить, что тот не устроил где-нибудь в недрах квартиры тайник.

В детдоме Олег был помешан на тайниках. Наверное, сказались гены, ведь его родители были шпионами, а значит, вели себя соответственно, в том числе и дома, – такова была у них служба. Он сумел устроить хитрый тайник, о котором никто не догадывался, в ножке своей кровати; Олег прятал туда деньги, полученные праведными и неправедными путями.

Никита забрался в салон и запустил двигатель. Мотор работал ровно, тихо и мощно. Похоже, за машиной был хороший уход. Немного поразмыслив, Никита достал мобильный и набрал номер Кривицкого. Пока гудел зуммер вызова, ему стукнула в голову интересная мысль, и он поторопился выбраться из машины.

– Алло, кто звонит? – раздался знакомый голос Алекса;

для него номер мобильного Никиты, высветившийся на дисплее, был еще незнаком.

– Свои, – ответил Никита.

– Нико? Это ты?

– А то кто же.

– Что, опять попал в переплет?

– Угадал. Только не в тот, о каком ты мог подумать. Алекс, мне нужно с тобой встретиться. Срочно. И в неформальной обстановке.

– Момент... Посмотрю в свои записи. В семь вечера тебя устроит?

– Вполне.

– Где?

– Где угодно. Но лучше там, где тебя не знают.

– Тогда в «шалмане». Я не был там сто лет. Помнишь?

– Конечно. А что, он до сих пор функционирует?

– Еще как. Удачливое место так просто не бросают.

– Что ж, вспомним молодость...

«Шалманом» детдомовская босота называла пивбар, уютившийся на задворках центрального рынка. В отличие от других заведений подобного рода, которые мальцов не подпускали к стойке и на пушечный выстрел, в «шалмане» можно было заказать бокал-другой пива, вяленую рыбешку и солидно расположиться за столиком – где-нибудь в углу, подале от нескромных глаз.

В пивбаре разрешалось курить, и детдомовские пацаны

смолили сигареты до тошноты, представляя себя взрослыми. Что самое удивительное, на них никто не обращал внимания и не пытался учить уму-разуму – «шалман» был по-настоящему демократичен. Может, потому, что публика в нем собиралась пестрая, в основном оторви и выбрось, поэтому все вели себя вежливо, предупредительно, стараясь не наступить на чью-нибудь большую мозоль, иначе можно было без лишних разговоров получить «перо» в бок.

Ровно в семь Никита подъехал к бару на такси. Еще два дня назад он не мог позволить себе такой роскоши, пришел бы пешком, благо «шалман» находился не очень далеко от его дома, но теперь, с высоты своего изменившегося материального положения, Никита уже смотрел на жизнь по-иному. «Хорошо иметь домик в деревне!» – вспомнил он навязчивую рекламу, открывая дверь пивбара. И ухмыльнулся. Действительно, как хорошо получить наследство в миллион долларов. Везет же дуракам и пьяницам...

Нужно отметить, что бар трудно было узнать. Внешне он вроде и не сильно изменился, разве что поменяли вывеску и входную дверь да вместо замусоренных дорожек, оплетавших бар снаружи, владелец «шалмана» положил тротуарную плитку, обустроил скамейки и посадил декоративный кустарник. А внутри везде сверкал хром и никель, общепитовских столов с пластиковыми столешницами не было и в помине – их заменили солидные, дубовые, – но курить можно было по-прежнему. Правда, теперь дым не стоял столбом,

потому что в баре был мощный вытяжной вентилятор.

Никите пришлось немного подождать – Алекс опаздывал. Он занял столик на двоих в дальнем конце пивбара и наслаждался отменным пивом. Впрочем, и раньше «шалман» отличался тем, что пиво в нем никогда не бодяжили – это было опасно для жизни бармена. Он мог недолить по «Марусин поясок», на это смотрели снисходительно – каждый зарабатывает деньги, как может, – но разбавлять водой столь ценный продукт считалось преступлением против человечества.

Однажды Никите довелось наблюдать, как учили уму-разуму нового бармена. Его заставили выпить один за другим десять бокалов разбодяженного пойла, для убедительности приставив нож к горлу. Как бармен не лопнул, непонятно. Наверное, от страха его желудок стал безразмерным.

Алекс пришел в половине восьмого.

– Извини, брат, служба, – сказал он покаянно, усаживаясь напротив Никиты.

Подождав, пока официант сервирует стол (Никита заказал бутерброды с семгой и вяленую воблу), Алекс сказал, одним махом осушив бокал:

– Ух, хорошо! – Он взял бутерброд и принялся жадно жевать. – Это ты здорово придумал насчет бутербродов – я страшно голодный. Некогда было пообедать. Чай с сухариками и сигареты – вот и весь мой обед. У нас комиссия из министерства свирепствует – ментов переводят в разряд полицейских. С командным составом уже определились, теперь

взялись за рядовых. Как бы мне не потерять своих парней...

– Неужто и у сыщиков рыльце в пуху?

– Не так чтобы очень... Но чем черт не шутит. Так что там у тебя за проблема нарисовалась?

– Алекс, почему закрыли дело Олега Колоскова?

Кривицкий неожиданно поперхнулся и поторопился отхлебнуть несколько глотков пива, чтобы пробить комок, образовавшийся в горле.

– На то были веские основания, – после некоторой паузы осторожно ответил Кривицкий. – А почему ты спрашиваешь?

– Хотя бы потому, что он мой друг... пусть и бывший.

– Ну уж – друг... – Кривицкий ухмыльнулся.

– Что было, то прошло. Но он *нам*, Алекс, детдомовский.

И этим все сказано. Кто это дело вел, твой отдел?

– Да. Он был чересчур большой шишкой, чтобы отдать дело на откуп районному отделению угрозыска. Но я как раз был в командировке, когда Олег приказал всем долго жить. Однако с материалами по делу ознакомился и не нашел ни единой зацепки, которая оспаривала бы версию о самоубийстве. Разве что... – Тут Кривицкий запнулся, немного подумал и продолжил: – Выстрел был произведен в висок, с близкого расстояния, но с левой стороны.

– И что это значит?

– А то, что Олег не был левшой. Тем не менее направление пулевого канала находится в пределах допустимого. На-

деюсь, ты понимаешь, о чем я толкую.

– Понимаю. Стрелял Олег, а не кто-то другой. Но почему с левой руки? И почему следствие не обратило должного внимания на этот момент?

– Почему, почему... Да мало ли что могло взбрести в голову человеку, который в состоянии стресса находится на грани жизни и смерти? Может, в момент выстрела он держал в правой руке фотографию Полины и дочери – она валялась на полу рядом с телом. И потом, дверь была закрыта на засов. А окна с зимы не открывались – Олег терпеть не мог уличного шума, он любил тишину и чистый кондиционированный воздух. Так, по крайней мере, утверждала Полина. Ну и что должен думать в такой ситуации опер или следователь? Напрашивалась только одна версия – самоубийство.

– А вот в этом я не уверен. И Полина, кстати, тоже.

– Ну, ей и положено сомневаться. Она утверждает, что у Олега не было причин для самоубийства. Но ты-то каким боком в этом деле засветился? Только не говори, что он как был твоим другом, так им и остался! И ты хочешь добиться справедливости, потому что Олег хороший человек и тебе его жалко. Эти мантры можно изрекать разве что на поминках. Мы с тобой далеко не мальчики, и что такое настоящая дружба, нам хорошо известно.

– Дело не в дружбе... – Никита немного поколебался, но все же решился: – Перед смертью Олег написал мне письмо, своего рода завещание, в котором сообщил, что его заказа-

ли. Кто именно – не назвал. Может, и сам не знал. Он просил помочь Полине и дочери выехать за рубеж. Олег предполагал, что и на них откроют охоту.

Про кредитную карточку и миллион долларов он благоراضно промолчал.

– Так помоги – и дело с концом, – сказал Алекс. – Я тоже могу поспособствовать.

– Полина наотрез отказалась уезжать. Она надеется на свою охрану. Что конечно же глупо. Но женщина – как норовистая кобылка: уж если попала ей вожжа под хвост, то ее не остановишь. Полина попросила меня, чтобы я попытался найти убийцу. А еще лучше – заказчика. Она не верит, что Олег мог покончить с собой. Ничто не предвещало столь трагического конца.

– Хочешь поиграть в частного детектива? – Алекс хмуро ослабил. – Ну и дурак ты, Нико. Ты хоть понимаешь, в какую кашу хочешь влезть? Эти богатеи живут как пауки в банке. То, что они жрут друг друга, – пусть их. Но они очень не любят, когда на их кухню заглядывают чужаки. Если ты сунешься в это дело, можешь считать тебя покойником.

– Боишься, что смогу кое-что откопать и твой отдел получит жирный, аппетитный «висяк»?

– А хотя бы и так! – огрызнулся Кривицкий. – Но я уверен, что в этом деле все чисто. Двух мнений быть не может: Олег покончил жизнь самоубийством. Все с этим согласны – и милиция, и прокуратура. Что еще нужно?

– Нужно было всего лишь более тщательно осмотреть место происшествия! – резко ответил Никита и рассказал Алексу про засов. – Я взял с собой образец шпагата и ворсинки, которые находились в замочных скважинах. Нужно отдать их на экспертизу.

Кривицкий посмотрел на Никиту с мученическим видом и приложился к бокалу. Видимо, он хотел выиграть время, потому что пил длинными, медленными глотками, глядя куда-то в сторону. А затем, мрачно глядя на Никиту, заговорил:

– Скажи мне, что я сделал тебе плохого?! Ты хоть понимаешь, какая каша заварится, если мне придется открыть дело по-новому? Да меня сожрут с потрохами! То, что мое начальство начнет мочиться кипятком, и ежу понятно. При том на мою башку. Но ведь в городе есть богатые люди, которым очень не нравится, когда убивают таких, как они. В том числе и среди чиновников. И пусть Олег для некоторых из них был злейшим врагом, но большой бизнес, который любит, как известно, тишину, не успокоится, пока не найдут убийцу и, главное, заказчика. И козлом отпущения во всей этой истории сделают меня, потому как заказуха раскрывается очень редко. Тем более что следы преступления – если оно было; я пока в это не верю, не верю, и все тут! – давно остыли, и теперь нужен не просто профессионализм, а потрясающее везение. Ну а менты – может, ты этого не знаешь – к разряду везунчиков не относятся. Это работяги, черно-

рабочие, которые горбятся на своей грязной работе денно и ночью и чаще всего, вместо благодарности, получают лишь плевки «благодарных» граждан в свою сторону и выговоры от начальства.

– Я сейчас заплачу над твоей тяжелой судьбиной...

– Ладно, допустим, в твоих домыслах – да, домыслах! – есть рациональное зерно. Но скажи мне тогда: кто убил Олега? У нас есть видеозапись камер наблюдения за домом с двух разных точек, которая подтверждает, что в момент убийства никто чужой в подъезд не входил и не выходил из него. Только свои, жильцы.

– Значит, нужно шерстить жильцов, – упрямо боднул головой Никита.

Кривицкий саркастически ухмыльнулся и ответил:

– Как ты это себе представляешь? Там живут многие городские боссы – чиновники и крутые бизнесмены. К ним не подъедешь и на хромой козе. Тем более – без соответствующих фактов. Хотя конечно же следователь – тут нужно отдать ему должное – опросил всех тех, кто в момент убийства находился дома. Это в основном пожилые люди. И наконец, последнее: богатые сами мараться не будут. У них есть все возможности, чтобы нанять профессионального исполнителя заказов. Естественно, не напрямую, а через посредников.

Никита тяжело вздохнул и допил пиво.

– Все выходит на то, – сказал он, – что Полина устроила мне местечко в артели «Напрасный труд». Понимаешь,

Алекс, я не мог ей отказать, не имел права, но ты почти убедил меня, что дело дохлое, и теперь я как тот витязь на распутье: направо пойдешь – коня потеряешь, налево пойдешь – денег лишишься, прямо пойдешь – головы не сносишь. В общем, куда ни кинь, везде клин.

– Вот и ладушки! – обрадовался Кривицкий. – У меня есть предложение похерить этот вопрос окончательно, а чтобы избавить тебя от угрызений совести, предлагаю съездить в воскресенье на природу.

– Шашлык, хорошее вино, веселые девочки с минимумом интеллекта, не обремененные высоким образованием и такими глупыми условностями, как стыд...

– Какой ты догадливый! – Кривицкий хохотнул.

– Нет, Алекс, извини, не могу я... – Никита закурил и мрачно уставился в стол.

– Что именно ты не можешь? – остро посмотрел на него Кривицкий.

– Бросить это дело, – после некоторой паузы ответил Никита. – Я обещал. Понимаешь, поначалу я и впрямь хотел изобразить бурную деятельность, чтобы потом сказать Полине: «Извини, дорогуша, я сделал все, что было в моих силах, но следователь прав – Олег сам наложил на себя руки». Однако после осмотра квартиры я уже так не думаю. Надо разобраться, Алекс, надо!

– Да пошел ты!.. – Кривицкий потянулся за деньгами, чтобы расплатиться и уйти.

– Погоди! – схватил его Никита за рукав. – Не горячись. У меня есть дельное предложение. Я один буду заниматься этим вопросом, без привлечения твоей службы. Ты останешься в стороне. Выгорит у меня дело – все лавры достанутся тебе, не выгорит – что ж, набью себе еще несколько лишних шишек, всего лишь.

– Ну ты и баран... – буркнул Кривицкий, остывая. – Упрямая скотинка... Ладно, если хочешь приключений на свою задницу – милости прошу к нашему шалашу. Узнаешь, сладок ли хлеб мента. Действуй. Ежели что, можешь надеяться на мою помощь. Это я твердо обещаю. Но только в частном порядке!

– Ловлю тебя на слове. Мне нужна копия дела и видеоматериалы.

Кривицкий немного поколебался, а затем ответил:

– Конечно, это служебное преступление... но что не сделаешь для старого друга. Только учти, если попадешься кому-нибудь с этими бумагами, не вздумай сослаться на меня!

– Заметано. Я буду нем, как печка, – ответил Никита словами одного из персонажей старого фильма.

Напряжение за столом спало. Они вновь заказали по бокалу пива, и дружеская пирушка покатилась своим чередом, легко и непринужденно, не отягощенная никакими коллизиями, лишь приправленная терпким, ностальгическим ароматом воспоминаний о неласковом детстве.

Глава 3

МАМКА

Никита ехал навестить Домну Никифоровну. Она жила на окраине города в небольшом домике с садом и огородом. «Ауди» шла ровно, мягко, и Никита невольно поддался эйфории езды на хорошей машине. До этого ему доводилось водить в основном военную технику (если не считать редких поездок на машинах сослуживцев; впрочем, это были в основном «Нивы» и «Лады»), поэтому стремительная «ауди» казалась ему по сравнению с УАЗом суперсовременным истребителем, которого опустили на землю, но не лишили скоростных качеств.

Домна Никифоровна была живым талисманом детдома. Дети ее просто обожали, потому как она относилась ко всем, даже самым отчаянным бузотерам, словно родная мать – бывало, что и строго, но неизменно с любовью. Домна Никифоровна заведовала кухней, и нужно сказать, что при ней никто из поваров и кухонных работников не смел взять себе даже грамма тех продуктов, которые отпускались на питание воспитанникам. Однажды дошло до того, что она практически в одиночку выступила против нового директора детского дома, который перепутал личное с общественным и посчитал детдомовскую продуктовую кладовую за свою собствен-

ность. Ее за это даже уволили, но уже наступали времена перемен, и воспитанники устроили такую бучу, что вороватого директора убрали в течение двух дней, а Домну Никифоровну вернули на прежнее место.

Никита не видел Домну Никифоровну без малого пятнадцать лет. Она уже ушла на пенсию и теперь в основномковырялась в саду и огороде, редко покидая свою уютную обитель только для того, чтобы сходить в магазин или больницу. У Домны Никифоровны сильно болели ноги. Ведь она большую часть своей жизни провела стоя на холодном кафельном полу кухни. Это все поведал ему Алекс Кривицкий.

Домна Никифоровна поливала цветы. В них она знала толк, поэтому ее палисадник казался выставкой цветов, столько здесь было разных видов, даже экзотических.

– Домна Никифоровна! – позвал Никита из-за калитки.

Старушка подняла голову, долго всматривалась в Никиту, а затем сокрушенно покачала головой, полезла в карман фартука, нашла очки в большой роговой оправе и водрузила их на нос.

– Никошка! – Домна Никифоровна всплеснула руками. – Ты ли это?!

– Я, Мамка, я...

В детдоме ее с незапамятных времен прозвали Мамкой, и Никита вымолвил это прозвище совершенно машинально. А его она почему-то кликала Никошкой. Некоторые шутники даже подтрунивали над ним, взяв за основу «Приключе-

ния Буратино», очень популярный в те годы детский фильм: «Кто же он? Ни кот, ни кошка... Ну конечно же Никошка! Ни-кош-ка! Ни-кош-ка!» Сначала Никита сердился, а потом привык и перестал обращать внимание на шалости детдомовцев. Спустя год или два все забыли это прозвище, и он стал для всех просто Нико, лишь Домна Никифоровна продолжала звать его Никошкой.

– Да что же ты торчишь-то на улице?! Заходи...

Они обнялись, и только вблизи Никита понял, как сильно сдала Мамка. Она здорово похудела и как будто стала ниже на голову. Поредели и ее пышные волосы, стали совсем седыми, на лице появились новые морщинки, только голубые глаза не поблекли от старости, по-прежнему светились, как два сапфира. Возможно, потому, что их омыли набежавшие слезы.

– Вот радость-то... Живой... – Старушка ощупывала его, словно не веря своим глазам.

– А почему я должен быть мертвым? – прямо спросил Никита.

– Ну как же... Полиночка мне говорила, что ты погиб.

Домна Никифоровна знала про их отношения. Она вообще знала тайны практически всех детдомовцев. Они приходили плакаться ей в жилетку и просить совета даже будучи совсем взрослыми. Поэтому Никита и приехал к старушке – она была кладезь информации. Сейчас он стоял перед ней и ругал себя последними словами, что до сих пор не удосу-

жился навестить ее раньше.

– Слухи о моей смерти были несколько преждевременными, – сухо сказал Никита, не вдаваясь в подробности.

Похоже, Полина, чтобы как-то оправдаться перед Мамкой, пустила эту утку, которая вполне могла оказаться правдой. После училища Никита сам попросился в горячую точку и лез под пули как одержимый. Вскоре с ним стали бояться ходить в поиск, потому что Никита пер буром даже там, где этого не требовалось. Наверное, он хотел умереть, чтобы избавиться от постоянных мыслей о предательстве Полины, хотя и не признавался в этом даже самому себе. Все изменилось лишь после того, как он, прикрывая отход разведгруппы, в одиночку продержался целых два часа против полусотни ваххабитов и даже не был серьезно ранен; несколько царапин не в счет. С той поры все утвердилось во мнении, что лейтенант Измайлов – счастливчик, а значит, с ним можно идти хоть в сам ад.

Впрочем, Полина могла и ошибиться. Видимо, каким-то образом до нее дошли слухи о том, что Никита пропал без вести. Был в его воинской биографии такой случай. Чтобы отвлечь преследователей, он увел их в сторону, противоположную той, куда ушла изрядно потрепанная разведгруппа. А затем около полумесяца плутал по горам, потому как все тропы в нужном направлении были перекрыты бандитами, пока наконец не вышел к своим, изможденный до предела и с незажившей раной. Никиту уже почти похоронили.

Домна Никифоровна смутилась и, покаянно опустив голову, пригласила его в дом. Он был небольшим, но очень уютным. Так уж случилось, что своих детей Мамка не прижила (ее муж-водитель погиб в автокатастрофе, и Домна Никифоровна больше замуж так и не вышла), поэтому всю свою нерастрченную материнскую любовь она обратила на воспитанников детдома и на обихаживание домашнего очага. Все комнаты в доме были чистенькие, яркие, без лишнего барахла и безделушек. Только картины по стенам, и Никита знал, кто их автор – бывший детдомовец, а ныне известный художник, который выставлялся в лучших музеях мира. Каждая из его работ стоила дороже дома, в котором жила Мамка. Картины были подарками. На одной из них художник нарисовал саму Домну Никифоровну в простенькой ситцевой кофточке в цветочек. Только художник изобразил ее совсем молодой, – наверное, такой, какой она была в его детдомовские годы. Никита помнил Мамку уже в преклонных годах.

В доме пахло свежескошенным сеном, яблоками и парным молоком. Домна Никифоровна безо всяких церемоний усадила Никиту за стол, чтобы угостить чаем, очень вкусными ватрушками и вареньем.

– Ты Полинку видел? – осторожно спросила старушка, когда Никита допил чай.

– Имел честь... случайно... – соврал Никита.

– Не обижайся на девочку, она всего лишь слабая женщи-

на. Ошибиться может каждый. У Полинки сейчас горе, такое горе...

– Это ее проблемы, – жестко ответил Никита.

– А ты сильно изменился... – Домна Никифоровна осуждающе покачала головой. – Раньше был куда добрее.

– Раньше я был телком, который, кроме яслей с сеном, ничего не видел. Встреча с реалиями жизни быстро привела меня в чувство. Есть такое выражение – кому война, а кому мать родна. Пока я землю зубами грыз, защищая Отечество, кое-кто торговал им налево и направо, составив при этом целое состояние. Но по счетам все равно приходится платить. Рано или поздно. Вот Олег и заплатил.

– Нехорошо так говорить... царствие ему небесное... – Мамка перекрестилась на икону в красном углу горницы.

– А хорошо увести у меня любимую девушку?! Или похоронить раньше времени, как это сделала Полина?!

– Нужно уметь прощать...

– Бог простит. А мне они безразличны – что Олег, что Полина. Былое давно быльем поросло.

«Ой ли? – подумал Никита и спрятал глаза от испытующего взгляда Мамки. – Тогда какого хрена ты подписался на должность следака? Или заняться больше нечем? Ладно, пусть и впрямь ты страдаешь от безделья. Но ведь Алекс предупредил, что расследование может плохо закончиться. Или тебе, Измайлов, мало армейских приключений? А, что теперь об этом думать!»

– Как они жили? – спросил Никита то, ради чего приехал к Мамке.

– Плохо, – ответила Домна Никифоровна. – Особенно в последние годы. Олег даже поколачивал Полинку.

«О как! – встрепенулся Никита. – Оказывается, Полина мне лапшу на уши вешала насчет любовницы. Видимо, конфликты были именно на этой почве. И то верно: у молодого здорового мужика куча бабок, а значит, ему доступны любые женщины. Почему бы не воспользоваться ситуацией? Тем более что Олег всегда был бабником. Соврала Полина, как пить дать соврала... Зачем? Чтобы обелить покойника или... Поди знай».

– По какой причине? – спросил Никита.

– Ревновал.

– Ревновал?! К кому?

Домна Никифоровна подняла очки на лоб, почему-то тяжело вздохнула и ответила:

– К тебе. А к кому ж еще?

– Не понял...

– Что тут понимать? Семейные ссоры бывают в любой семье. Наверное, Полинка в гневе сравнила вас, и сравнение вышло не в пользу Олега. Вот его и понесло. И чем дальше, тем хуже. Стал пить, купил себе квартиру в центре, чтобы ему было где уединиться...

– И наверное, женщин туда водил...

– Вот чего не знаю, того не знаю. Полинка наотрез отка-

зывалась говорить на эту тему.

«М-да... – Никита мысленно почесал в затылке. – А ведь у Полины был мотив отправить своего благоверного на тот свет... Был! Ведь от семейных ссор до развода путь короток. И с чем бы тогда она осталась? Зная мстительный характер Олега, можно с уверенностью предположить, что он постарался бы усложнить ей жизнь до крайности. И потом, кто так запросто откажется от больших денег? А уж Полина – тем более. По ее словам, ей могут грозить большие неприятности, вплоть до заказухи, но она упрямо твердит свое – надо решить проблемы с новым менеджментом. Конечно, терять мешок с золотом, образно говоря, Полине не в масть; она скорее улетит вместе с ним в пропасть, нежели выпустит его из своих рук. Уж чему-чему, а житейской цепкости детдом нас научил».

– Ты бы помог ей... – Мамка сказала это как-то виновато, будто извинялась за свои слова. – Полинке сейчас очень тяжело...

– Это как? Жениться на ней?

– Хотя бы поговори, посочувствуй... Ведь женщина, как кошка, любит доброту и ласку. И потом, ей просто не с кем пооткровенничать, открыть свою душу. После смерти Олега она прервала отношения со всеми нашими... даже со мной.

– Вы считаете, что я подхожу на роль исповедника? Там, откуда я вернулся, душещипательные беседы не в чести. Так что ваше обращение не по адресу.

– Ну, как знаешь...

Они еще немного поговорили о том о сем, и Никита начал прощаться. Но затем спохватился и сбегал к припаркованной у забора машине. Там лежал гостинец для Мамки: разные сладости – торт и шоколадные конфеты, а также большой кусок семги, три банки красной икры и две палки дорогой сырокопченой колбасы.

«Ну и что получается, друг сердешный? – думал Никита, влившись в поток машин, который двигался со скоростью черепахи. – У Полины были проблемы с Олегом? Были. Большие проблемы. Она соврала мне на предмет своей «безоблачной» семейной жизни. И если Олег и впрямь ее мутузил, то я ничуть не удивлюсь, что Полина наняла киллера для своего разлюбезного муженька. У нее жесткий, почти мужской характер. Тем более что она всю свою сознательную жизнь проходила в «принцессах», а тут – по сопатке... Для любой женщины это тяжелейшее оскорбление, не говоря уже про Полину».

– Куда прешь, козел?! – неожиданно раздался крик.

Никита повернул голову и увидел разъяренное лицо водителя «мерседеса», который двигался в соседнем ряду. Видимо, он вез какую-то важную шишку, которую, в отличие от Никиты, все в городе хорошо знали, а потому уступали дорогу. Никита с вызовом ухмыльнулся, показал ему большой палец и продолжил движение, нимало не озаботившись проблемами хамоватого водилы.

«Но если и впрямь Полина заказала Олега, то на кой ей нужна комедия с частным сыском? – продолжал размышлять Никита. – Хотя не исключено, что в этом есть тонкий расчет. Таким образом она напрочь отменяет от своей персоны все подозрения в заказе, если вдруг они появятся у правоохранительных органов (или, что вернее, у тех, с кем он вел взаимовыгодный бизнес). Ежели это так, то тогда понятно, почему она не обратилась к профессионалам, – а в городе существует минимум пять или шесть детективных агентств, в которых работают бывшие менты и гэбэшники, – и наняла дилетанта...»

Его догнали на светофоре, когда загорелся красный свет. Из «мерседеса» выскочили двое и подбежали к машине Никиты. Один из них, судя по физиономии «бык»-отморозок, рванул дверку и вытащил его наружу; задумавшийся Никита даже опомниться не успел, так быстро все произошло.

– Ты чё, падла, рога мочишь?! – рявкнул «бычара», схватив Никиту за отвороты куртки. – Ты знаешь, с кем связался?!

– Э-э, мужик, потише! – Никита резким движением освободился от захвата. – Правил дорожного движения я не нарушал, так что извини, ты обратился не по адресу.

– Ща будет те по адресу... – «Бык» замахнулся.

И тут же, закатив глаза под лоб, упал. Никита не стал придумывать сложную комбинацию для защиты, а нанес самый простой, но эффектный удар, который тренеры по боевым

искусствам обычно рекомендуют слабому полу для защиты от посягательств на их женские прелести, – в промежность. Наверное, «бык» даже предположить не мог, что кто-нибудь в городе осмелится дать ему сдачи, поэтому считал Никиту всего лишь жертвой.

– Ни хрена себе... – тупо сказал напарник «быка», глядя, как тот корчится у ног Никиты. – Ну ты, мудила, попал... – Он полез под куртку, чтобы достать ствол.

Но не успел. На этот раз Никита ударил не коленом, как «быка», а ногой – точно в челюсть бодигарда. Тот, несмотря на приличные габариты, упорхнул, словно ласточка, и приземлился на капот «мерседеса». Никита сделал ручкой тому, кто сидел за тонированными стеклами машины на заднем сиденье, забрался в салон «ауди» и, что называется, ударил по газам. Никите совсем не хотелось, чтобы оклемавшиеся телохранители открыли по нему огонь на поражение.

Дома он начал разбираться с бумагами, которые передал ему Алекс Кривицкий. Удивительно, но работа детектива оказалась весьма увлекательной. Впервые за то время, что он провел в городе, жизнь начала приобретать хоть какой-то смысл, окрасилась в те тона, к которым Никита привык, – дымно-багровые, как на войне. Это добавило в кровь изрядную порцию адреналина, и Никита почувствовал, что оживает, что его биологический аккумулятор уже подзарядился и он готов «к труду и обороне».

Как Никита и ожидал, основная часть материалов дела

оказалась пустышкой. Показания соседей Олега писались словно под диктовку, были пресными, скучными и не давали ни малейшего намека на хоть какую-то зацепку. Примерно так же отвечали на вопросы следователя и подчиненные покойника: «Ничего не видел, ничего не знаю, моя хата с краю». Короче говоря, следователь исполнял свой рутинный долг с прилежанием, но без огонька.

И то верно – он выбрал версию «самоубийство» и держался за нее с похвальным упрямством и цепкостью. Если и были какие-то подозрительные моменты, он смел их в корзину для бумаг; действительно, зачем ему лишняя головная боль? Притом такого масштаба. Ведь Олег был в городе на первых ролях. Не ровен час, зацепишь кого-нибудь из власть и деньги имущих – и прощай карьера. А то и жизнь.

И все же Никита нашел одну интересную бумаженцию. Некая Терехина утверждала, что у ее шефа был разлад с женой. Будто бы она завела любовника, и Олег Григорьевич об этом узнал. Кто был этот любовник, Терехина понятия не имела, но божилась, что говорит истинную правду. А еще в ее показаниях был интригующий момент – Терехину уволили с работы буквально за неделю до смерти Олега. И похоже, нанесли ей этим смертельную обиду.

«Это «жу-жу» неспроста... – думал Никита, включая аппаратуру, чтобы посмотреть запись с камер видеонаблюдения. – Похоже, мадам Терехину настоятельно попросили на выход. Ведь в солидной фирме платят серьезные деньги и

просто так, из-за каприза, люди из таких контор не увольняются, терпят до последнего. А в нашем городе не так уж много вакансий на денежные места... если не сказать, что их вообще не существует, – вспомнил он свои мытарства в поисках достойной работы. – Так что с большой долей вероятности можно сказать, что Терехина заимела зуб на своего бывшего шефа, поэтому отвязала язык по полной. Надо бы с ней потолковать...»

Видеоматериалы мало что дали Никите. Одно лишь было хорошо: камеры у дома Олега оказались самыми современными, поэтому качество изображения не вызывало особых нареканий. Никита взял временной промежуток с пяти часов дня и до полуночи. Вдруг врач ошибся и Олега убили раньше или позже заявленной экспертизой цифры – около семи вечера.

Кроме того, Никита надеялся вычислить киллера, который просто обязан был в ожидании «объекта» слоняться поблизости от дома, чтобы заметить предполагаемую засаду; профессионал именно так и поступил бы. Особенно его интересовали представители сильного пола, которые прятали лицо от видеокамер наблюдения, – профессионалу не улыбается перспектива засветиться. Но камера зафиксировала обычных людей, никто не натягивал кепку или вязаную шапочку на уши, не отворачивался от камер и не прятал лицо под вуалью, – в принципе женщин тоже нельзя было исключать из списка подозреваемых.

Что поразило Никиту, так это малолюдь престижного дома; казалось, его только начали заселять. Обычно в пятницу народ затаривается на выходные дни продуктами в ближайшем супермаркете, поэтому подъезды домов, где живут нормальные граждане, особенно ближе к вечеру, напоминают летки ульев, так много там роится добытчиц (в основном) и добытчиков с полными сумками и пластиковыми пакетами в руках.

Но престижный дом напоминал кабинет большого чиновника, куда попадали лишь немногочисленные избранные и только по предварительной записи. После мелькнувшего в кадре Олега к дому подъехали всего несколько дорогих автомобилей, чтобы заключить в свои хромированно-лакированные утробы двух-трех человек и исчезнуть в неизвестном направлении, притом с концами; по крайней мере, до полуночи ни одна из этих машин обратно не вернулась.

Впрочем, разгадка лежала на виду: скорее всего, большинство обитателей дома сразу после обеда отбыли в свои загородные особняки. Поэтому в нем осталось всего несколько человек; Никита насчитал около двух десятков. Это были в основном старики. Они-то как раз и выходили на прогулку и в магазин – некоторые возвращались с пакетами в руках. Но ни одной подозрительной личности, которая хотя бы отдаленно смахивала на убийцу Олега, он не высмотрел.

Однако Никита все равно скопировал диск и открыл файлы, где были изображены лица тех, кто входил и выходил из

дому. Изображения он не только сохранил в памяти компьютера, но также вывел их на бумагу, предварительно поработав с фотошопом, благо это было недолго и несложно. Вдруг пригодятся.

«Поеду к Терехиной! – решил Никита. – А заодно пообедаю, потому как уже близится ужин, а я еще и не завтракал, если не считать чашки чая и черствого бутерброда. – Тут он саркастически ухмыльнулся. – Для миллионера, коим я теперь являюсь, это непозволительно. Нужно вести здоровый образ жизни».

Мысленно посмеявшись над последней фразой, – да уж, вовремя взялся за ум, как раз к пенсии, – Никита сел в машину и покатил в направлении спального района, где в хрущевской пятиэтажке жила заинтересовавшая его девица.

Конечно же скамейки возле дома не пустовали. Старушки-пенсионерки – «Коллеги, етиттвою...» – подумал Никита – щелкали семечки и перемывали кому-то косточки.

– ...А ейный хахаль прыг в окно! – Худая бабуля весьма преклонных лет, похожая на мультяшную героиню старушку Шапокляк, вся в ситце Ивановской фабрики, который был произведен во времена застоя, яростно жестикулируя, сидела в окружении более солидных и упитанных товаров, внимавших ей с выражением на лицах, которое бывает во время массового сеанса гипноза. – Со второго этажа! Я ить как раз ядро в мусорку несла, так ён меня едва не сшиб. В одном исподнем! И почесал, и почесал! Вон туды, в кусты. Она и

вещи его в окно выбросила, дак куды там! Не до того ему было. И то верно – новый-то у нее милиционер. С левольвертом ходит. Пальнет раз – и на небеса. А ентот так, проходящий.

– Здравствуйте! – чересчур громко сказал Никита, потому что старушки, увлеченные занимательной историей, не обращали на него никакого внимания, хоть пляши перед ними.

Бабульки, как по команде, посмотрели в его сторону, а Шапокляк так и застыла с открытым ртом, не успев закончить фразу.

– Здравствуй, милоч, коль не шутишь, – надевая очки, ответила полная старуха в тапочках, носы которых представляли умильные собачьи мордочки.

– Никаких шуток, я серьезно, – сказал Никита и изобразил свою самую привлекательную улыбку – «щедрую», как у полного лоха. – У меня к вам есть один вопрос.

– Спрашивай! – оживилась Шапокляк.

Похоже, во дворе она заведовала выпуском местных новостей, которые собирала по крупинкам, как курица просо.

– В какой квартире живет Терехина? – спросил Никита.

И поразился – старушки изобразили финальную сценку бессмертного «Ревизора». Они уставились на него, как на привидение. Пауза несколько затянулась, и недоумевающий Никита прокашлялся.

– Любка? В девятнадцатой, – наконец ответила Шапокляк. – На втором этаже. Вон ейный подъезд.

– Не подскажите, она дома?

– А где ж ей быть-то? Она ить безработная. Работу ищет, да все никак... – Тут старушки почему-то захихикали. – Хочет, штокб денежную, дак разве нонче найдешь такую?

– Ну, спасибо вам... – Никита снова заулыбался и даже кивнул, словно поклонился.

Он уже стоял у входа в подъезд, когда сзади его окликнули.

– Ты, мил-человек, у нее долго не задерживайси... – говорила Шапокляк.

– Это почему?

– Тут, вишь, какое дело... – начала осторожно старушка. – К Любке должен вскорости прийти... м-м-м... молодой человек. Дак штокб между вами там чегой-нибудь не вышло.

– Спасибо за информацию. Но я к ней по делу, – ответил Никита и подчеркнул: – Общественному.

Старушки закивали, но в их глазах читалось явное сомнение. Похоже, Терехина не отказывала себе в плотских удовольствиях и была чересчур любвеобильной.

На звонок в дверь долго не отвечали. «Она что, уснула?!» – недоумевал Никита. Наконец за дверью зашебаршились, и приятный девичий голос несколько грубовато спросил:

– Чего надо?

– Поговорить.

– Ты кто?

Терехина видела Никиту через глазок, поэтому он встал

так, чтобы свет от окна лестничной площадки освещал его лицо во всех подробностях, – при всем том он не считал себя уродом, хотя и не был симпатягой.

– Я детектив, – немного поколебавшись, ответил Никита.

– И что?

– Да, в общем, ничего такого. Просто есть дело к вам. Но, вы уж извините, мне бы не хотелось объявлять о нем во всеуслышание... – Никита многозначительно кивнул в сторону лестницы.

Там слышались шорохи и свистящее стариковское дыхание. Видимо, Шапокляк не утерпела и решила подслушать разговор.

Терехина поняла прозрачный намек, и дверь наконец отворилась.

– Входите! – сказала она сердито. – Да побыстрее! Дует...

До прихода Никиты она принимала ванну, и вместо одежды на ней было лишь большое махровое полотенце, обернутое вокруг тела и едва прикрывающее высокую грудь. Виднелись стройные, в меру полные ноги, которые составили бы честь любой красотке. Но Терехина не была писаной красавицей. И все равно ее живое румяное лицо, на котором особенно выделялись большие черные глаза, было очень привлекательным. То, что на Терехину оглядывались почти все мужчины, можно было сказать с полной уверенностью – от нее буквально струилась сексуальная энергия. Такой энергетикой обладают лишь ведьмы, об этом Никита как-то прочи-

тал в Интернете.

«Ух ты! – мысленно воскликнул он, почувствовав, как сильно забилося сердце. – Нехилая ведьмочка... Везет же мужикам, которых она привечает».

– Ждите здесь, – сказала Терехина, усадив Никиту на кухонный табурет. – Мне нужно одеться... – И исчезла.

«Да-а... – думал Никита, облизываясь, как сытый кот на завалинке. – Я с огромным удовольствием помог бы ей с одеванием. Вернее – с раздеванием. Потрясающая фемина! А квартирка у нее ничего – ухоженная...»

Видно было, что Терехина страдала манией чистоплотности и армейского порядка. Ее светлая кухня напоминала дивизионный арсенал перед проверкой вышестоящего начальства: все лежит на строго определенных местах, нигде нельзя заметить и пылинки.

Терехина вернулась на кухню спустя пять минут, как отметил Никита, глянув на свои «командирские», при полном параде. «Быстро управилась», – подумал он мельком. Первое его впечатление было неверным – в боевой раскраске девушка показалась ему феей сахарного домика. Наверное, ей хотелось произвести на Никиту неизгладимое впечатление. И у нее это получилось.

– Чай, кофе?... – спросила она деловито, включая электрочайник.

– Если можно, кофе... пожалуйста, – одеревеневшим языком ответил Никита.

Терехина чему-то улыбнулась и начала священнодействовать с чашками.

Кофе у нее был потрясающе вкусным. Никита мог поклясться, что она сыпала в чашку обыкновенный «Нескафе», но на выходе у нее получилось нечто совсем иное, нежели та бурда, к которой привык Никита. Аромат, паривший над чашкой, вскружил голову и вызвал непреодолимое желание выкурить сигарету.

– Вы можете закурить, – снова улыбнулась Терехина, словно подслушав мысли своего незваного гостя. – У вас какие?..

Никита ответил.

– Годится... Не угостите ли даму сигареткой? – кокетливо спросила девушка, и Никита послушно достал пачку и дал ей прикурить, воспользовавшись своим армейским трофеем – зажигалкой «Зиппо», которая стоила как подержанная импортная тачка.

Ее добыли в одном из поисков, когда его разведгруппа приняла встречный бой, и Никита положил какого-то «амира», как потом оказалось, крупную шишку, выходца из Эмиратов, приехавшего на Северный Кавказ нести горцам «свет» ваххабизма. Именно в тот день у Никиты был день рождения, и друзья-командиры, не сговариваясь, решили вручить ему в качестве подарка золотую «Зиппо» (которую он честно отдал в «премиальный» фонд), о чем свидетельствовала гравировка на корпусе, благо родственников «амира» и наслед-

ников, к глубокому сожалению комбата, разыскать не удалось.

– Меня зовут Люба, – сказала Терехина, сделав затяжку и ловко выпустив дымное колечко.

– Никита...

– Детектив – это значит мент?

– Разве я похож на мента?

– Ну, не так чтобы очень. Но в тебе есть что-то такое... трудно объяснить, что именно... – Терехина, нимало не смущаясь, сразу взяла быка за рога – перешла на фамильярное «ты». – Я бы сказала, что ты опасный человек. Так все-таки, что значит – детектив?

– А то и значит, – ответил Никита и слегка приврал: – Только я частный детектив.

– О как! – воскликнула Любка. – Я балдею. Частных детективов мне доводилось видеть только в кино.

Никите почему-то показалось, что в ее голосе прозвучала фальшь.

– Почему кофе не пьешь? Остынет.

Никита сделал несколько глотков и отвесил комплимент:

– Готов поступить к вам в обучение, чтобы научиться столь же восхитительно готовить кофе. Как это у вас получается?

На этот раз Терехина выпустила три дымных кольца, мигом посерьезнела и ответила:

– Вот что, Никита, хватит ходить вокруг да около. Я таких

разговорчиков уже наслышалась. Говори, зачем пришел. И перестань выкать. Я, чай, не из благородных. Да и ты, как я вижу, к интеллигентам не относишься.

Никита неторопливо раскурил очередную сигарету и посмотрел с жестким прищуром прямо в глаза Любке. Что ж, коли так, то и впрямь приступим к делу...

– Это верно, – сказал он сурово. – Интеллигентности во мне маловато. Если вкратце, то я расследую подробности смерти Олега Колоскова. Насколько мне известно, одно время ты работала в принадлежащей ему фирме. Мне нужно узнать кое-какие подробности из его жизни.

Миловидное лицо Любки мигом отвердело, словно превратилось в маску.

– Я уже все рассказала следователю, – отрезала она и нервным движением потушила в пепельнице недокуренную сигарету. – Прочитай мои показания.

– А кто мне их даст? Я ведь лицо неофициальное – частник. Люба, это мне очень нужно. Правда. Честное слово!

– Зачем?! Зачем ворошить чужое грязное белье? Он умер, и оставьте его в покое.

– Не получается.

– Почему?

– Тебе можно довериться?

Любка взглянула с недоумением, немного поколебалась, а затем ответила:

– Обычно я держу язык за зубами...

– Ситуация с Олегом не совсем обычная. Пообещай, что то, о чем я сейчас скажу, ты сразу же спрячешь на самое дно своей памяти.

– Обещаю! – Любка явно была заинтригована.

– Что ж, придется довериться... женщине.

– Кто бы говорил! – гневно вскинулась Любка. – Да мужики трепачи еще те!

– Все, все, проехали... В общем, ты где-то права. Не буду спорить. Дело в том, что Олег не застрелился, а его убили.

– Не может быть!

– Еще как может. Меня для того и наняли, чтобы я нашел убийцу.

– А что же наша ментура?

– У них версия одна – самоубийство. Дело закрыто.

– И кто тебя нанял?

– Извини, но этого я тебе не скажу. У нас не принято раскрывать имена клиентов.

Никита врал так вдохновенно, что ему и впрямь стало казаться, что он настоящий, а не липовый частный детектив.

– Ладно... – буркнула Любка, остывая. – Что ты хочешь узнать?

– Почему ты уволилась?

– Ну, это уже ни в какие рамки не лезет! – Терехина даже вскочила от возмущения. – Я хоть и баба-дура, но детективы почитываю. Похоже, кто-то хочет навесить на меня убийство Колоскова. У меня нет таких денег, чтобы я могла нанять

киллера! Почему уволилась... Потому!

– Ответ исчерпывающий, – примирительно улыбнулся Никита. – В общем, я так и предполагал.

– Что, что ты предполагал?! Ну да, я спала с Олегом! И что здесь такого? Я свободная женщина, дружу с кем хочу. Это ему нужно было следить за своим «облико морале», а не шлаться по чужим бабам.

– Значит, Олег и тебе изменял...

– Какие мы догадливые! – Терехина завелась не на шутку. – Да этот кобель не пропускал ни одной юбки! Навешал мне лапши на уши... сволочь! А потом выбросил, как ненужную вещь.

– Он что, со всеми женщинами, которые работали в фирме и имели с ним интимные отношения, поступал таким образом – сначала тащил в постель, а потом увольнял?

– Нет! – сердито ответила Любка. – Это только мне так сильно «повезло».

– Наверное, была какая-то причина...

– Да уж... была.

– Если не секрет, какая именно?

– Теперь у меня нет от тебя секретов... черт бы вас, частных детективов, взял! – Любка наконец обрела душевное равновесие, успокоилась и посмотрела на Никиту с подозрением. – Кто меня за язык тянул откровенничать с тобой? Вот дура!

– И все-таки – почему?..

– Что ж, коли начала... – Любка нашла на полке свои сигареты и спичечный коробок и нервно закурила, сломав две спички. – Захотелось мне, как той пушкинской старухе, стать не просто столбовой дворянкой, а царицей морской. Тем более что Олег и впрямь в меня втюрился. А как это сделать? Нужно было, чтобы он бросил свою Полину, но Олег ни в какую не соглашался. Конечно, прямо об этом я не говорила, только намекала... Тогда я решила, что неплохо бы накопать на его женушку какой-нибудь компромат. Вот тут-то я и связалась... с одним из твоих коллег. – Тут она стыдливо покраснела. – Извини, я сказала неправду, что впервые увидела частного детектива. Нашла одного... уроды. – По ее лицу пробежала тень, а на губах появилась брезгливая гримаса. – Он лишь деньги из меня выкачивал да все норовил в постель залезть.

– Но дело свое он сделал в конечном итоге?

– Как оказалось, сделал. Но не так, как мне мыслилось. Этот сукин сын, вместо того чтобы отчитаться передо мной, своей клиенткой, побежал к Олегу. И тот купил у него информацию за хорошие деньги. А еще Олег узнал, кто нанял его следить за Полиной.

– Теперь мне причина твоего увольнения понятна.

– Еще бы.

– Значит, у Полины все-таки был любовник?

– Почему – все-таки? У многих женщин есть любовники. Но мужья об этом узнают в последнюю очередь. Конечно

был.

– Кто?

– А вот это как раз мне и неизвестно. Я все рассказала следователю. Но про детектива промолчала. Мол, от кого-то из сотрудниц слышала о любовнике, и все тут. Иначе мне могли пришить дело. Ведь тогда я еще не знала, что Олег застрелился. Мне думалось, что его убили. Как теперь оказалось, я была права.

«А ведь Любка неглупа... – подумал Никита. – И похоже, неплохо образованна. Но все ли она рассказала? Это вопрос...»

– Похоже, у Олега были проблемы по этой части... – сказал он осторожно, без нажима.

– А у кого из бизнесменов их нет? Особенно у таких крутых, как Колосков.

– На него кто-то наезжал?

– Естественно.

– Кто?

– Ну ты ваще! Вынь ему все да положи. Может, у меня и длинный язык, но мне почему-то не хочется, чтобы его укоротили под самый корень. Это ты уже сам выясняй. Все, на этом наш разговор закончен! Извини, но ко мне пришли.

В дверь и впрямь скреблись. Наверное, это был условный сигнал. Видимо, звонок возбуждал у соседей нездоровое любопытство и ухажер Терехиной им не пользовался.

– Что ж, большое спасибо, Люба, – изобразив приятную

улыбку, сказал Никита и поднялся. – Кстати, адресок того частного детектива не подскажешь?

– Какие проблемы... – Любка пожалала плечами, достала из резной деревянной шкатулки, которая стояла на холодильнике, визитку и отдала ее Никите. – Там есть все: фамилия, адрес, телефон...

– Еще раз благодарю. И – до свидания.

– До свидания, – неожиданно кротко ответила Любка и с каким-то странным выражением заглянула в глаза Никиты. – А свой телефончик не оставишь? Вдруг что вспомню...

– Визиток у меня нет, поэтому запиши...

Любка записала на салфетке номер мобильного телефона, и Никита покинул ее уютное гнездышко. В дверях он столкнулся с молодым парнем в дорогом прикиде. В руках Любкин гость держал букет белых роз и объемистый пластиковый пакет. Похоже, у нее был бзик насчет состоятельных хахалей, подумал Никита и вежливо улыбнулся. Парень подозрительно глянул на Никиту, видимо, хотел что-то спросить, но тот поторопился сбежать вниз по лестнице, чтобы спрятать от чужих глаз неожиданно проснувшуюся ревность.

«Ну надо же... – размышлял Никита, удивленный до глубины души; он уже минут пять сидел в салоне машины, припаркованной неподалеку от дома Терехиной, – все никак не мог заставить себя включить скорость и нажать на газ, будто его что-то держало. – Кому скажешь – не поверят. Вроде и не втюрился в Любку, а поди ж ты... Точно она ведьма, ей-ей!»

Неожиданно возле Любкиного дома раздался сильный шум. Заинтересованный, Никита опустил боковое стекло, дабы понять, что там происходит, и тут же от души расхохотался. Из подъезда выскочил как ошпаренный давешний хахаль Терехиной. Он был в пиджаке и при галстукe, но без штанов. А из распахнутого окна, злая, словно фурия, выглядывала Любка и кричала:

– Пошел вон, козел! Забери свои шмотки! – Вниз полетели брюки и туфли. – И этот веник с собой прихвати! – Из окна выпорхнул букет, и цветы осыпали беднягу, как надгробный холмик, – парень как раз нагнулся, чтобы подобрать свои вещи.

Никита ожидал, что вслед за цветами полетит и пакет, где явно были разные вкусности, но, похоже, Любка обладала прагматичным умом и решила оставить себе харчи и спиртное в качестве компенсации за моральный урон. Посмеиваясь, Никита наконец завел машину и поехал прочь от дома Терехиной. На душе у него снова стало светло и безоблачно.

Ситуация, в которой очутился Любкин хахаль, была ему понятна и хорошо знакома. Даже продажная женщина любит, чтобы постельные игры начинались с прелюдии, а парень по молодости в эту ситуацию не въехал и, едва за ним закрылась дверь квартиры, начал в огромном нетерпении быстренько снимать штаны, чтобы без лишних разговоров взяться за дело, на которое он уже ухлопал немало денег. Но тут его коса нашла на камень в виде обычно податливой и

мягкой Любки. С женщиной всегда так – никогда не знаешь и даже не можешь предположить, какой фортель она выкинет в следующее мгновение...

Глава 4

ТАЙНИК

Детективное агентство под берущим за душу названием «Свет надежды» находилось почти в центре города, но это было место, которое горожане нежно называли Шанхайчиком. Именно так – не Шанхаем, как принято в народе называть городские клоаки, а Шанхайчиком. Дома здесь были старой постройки, большей частью послевоенные, а некоторые помнили даже царский режим.

Обычно в каждом домишке, по окна влезшем в землю, были прописаны до десятка семей. Нет, они здесь конечно же не жили, а лишь дожидались своей очереди на получение жилья. Но времена «совка», как любят именовать времена «развитого социализма» некоторые снобы из среды фрондирующей интеллигенции и прочей никчемной мелюзги, давно закончились, квартиры на халяву уже никто не давал, и Шанхайчик погрузился в грустную безнадегу.

Его и раньше-то, при Советах, обходили стороной, строили дома в основном на свободных от частных домовладений площадях. А уж нынешние застройщики и вовсе плюнули на лакомый с виду кусочек земли практически в центре города. Ведь для обеспечения квартирами всех прописанных в районе Шанхайчика требовалось построить два микрорайо-

на: один – чтобы квартиры в нем продать, а второй – за просто так. Ну и какой бизнесмен выбросит большие деньжищи на ветер?

Но самое интересное – в Шанхайчике и впрямь немало жило китайцев-дунган. В конце девятнадцатого века династия Цин отказалась от своих восточных территорий, в то время известных как Восточная Татария, и передала их России. И вскоре тысячи китайских дунган бежали в пределы Российской империи, под защиту белого царя, от репрессий, последовавших за подавлением дунганского восстания. Они жили до тридцатых годов прошлого столетия в Приморье, затем их выселили в другие регионы Советского Союза из-за подозрений в сотрудничестве с японцами. Так и возник в городе микрорайон под названием Шанхайчик, где всегда, в любое время дня и ночи, можно было разжиться маковой соломкой и китайской ханкой, настоянной на какой-то гадости, шибавшей по мозгам почище первоклассного самогона-первача.

Никита какое-то время терзал дверной звонок, но изнутри не было слышно ни единого звука. Похоже, у «Света надежды» или звонок не работал, или отрезали за неуплату электричество. Что неудивительно – дела агентства, видимо, шли из рук вон плохо, потому что входная дверь была грязной и исчерканной китайскими иероглифами, которые для верности восприятия переводились на «великий и могучий» русский сленг, очень краткий и доходчивый. Не исклю-

чено, что русские китайцы придумали какие-то новые иероглифы, чтобы наиболее точно выразить смысл русской матерной брани. И это точно было очень нелегкой задачей.

Тогда Никита постучал. И тут же послышался голос:

– Входите! Не заперто.

Стараясь не касаться стен неширокого коридорчика, окрашенных в гнусно-зеленый цвет, – точно такой краской когда-то красили общественные туалеты, – Никита прошел в помещение детективного агентства и наконец узрел его главу. Он был миксом, в его лице явно читались китайские черты с изрядной долей славянской закваски. Впрочем, и фамилия у детектива вполне определенно говорила о его происхождении – хозяина «Света надежды» звали Иван Хайтахун. Никита подозревал, что Иван – это китайское Ван, но так было написано на визитке, которую дала ему Любка.

– Здравствуйте! – вежливо сказал Никита и с сомнением покосился на креслице возле стола, за которым восседал Хайтахун.

Был он толст до неприличия и слегка смахивал на известное изображение Будды. Как раз в этот момент глава детективного агентства чревоугодничал – то ли перекусывал перед обедом, то ли обедал, то ли полдничал, а может, все эти приятные моменты человеческого бытия совместил, поэтому стол перед ним был весь в крошках, а большой говяжий мосол, который держал Иван-Ван в руках, отсвечивал светлым янтарем, хотя потомок дунган все еще пытался найти

на нем остатки мяса.

Хайтахун мрачно зыркнул в его сторону, отложил кость в тарелку, прикрыл остатки еды газетой, вытер жирные руки какой-то тряпкой и неприветливо спросил:

– Мент?

– Перестань обзывать, – фамильярно ответил Никита и все-таки сел в креслице, не дожидаясь приглашения, решив, что джинсы все равно нужно стирать. – В этой конторе я не состою. Но мы с тобой в какой-то мере коллеги.

– Да ну? – В голосе Хайтахуна прозвучала ирония. – И что же мы ищем?

– Уже нашел. Тебя.

– Оба-на... Это с какой стати?

– В плохую историю ты попал, Иван... как там тебя по батюшке?

– Называй хоть горшком, только в печь не сажай, – буркнул Хайтахун. – Иван так Иван. А тебя как зовут?

По его толстому, лоснящемуся лицу было видно, что он сильно обеспокоен. И то верно – частный детектив нередко ходит по очень узкой грани между законом и беззаконием. Этот момент Никита уже усвоил. Похоже, у китайца рыльце было в изрядном пуху.

– Никита, – ответил он, но руки не подал, хотя Хайтахун вроде вознамерился протянуть ему свою короткопалую ладонь.

– Будем знакомы... – недовольно буркнул Хайтахун вме-

сто обычного «Приятно познакомиться»; похоже, ничего приятного для себя в Никите он не рассмотрел. – Ну так что там у тебя?

– Убийство. И ты к нему причастен.

– Что-о?! – Китаец неожиданно быстро для своей комплекции вскочил на ноги, выбежал из-за стола и с угрозой нагнул над Никитой. – Повтори!

– У тебя со слухом плохо? – Никита был сама невозмутимость. – Попал ты, мужик, как кур в ощи́п. И я не имею представления, как можно тебя отмазать.

Хайтахун какое-то время пристально изучал невозмутимую физиономию Никиты, а затем спросил:

– Ты шантажист?

– Вроде того. Только я добрый и не побегу тебя закладывать. И даже денег не попрошу за свое молчание. Если, конечно, мы договоримся на любовных началах. Мне нужна лишь информация.

– Ты выход сам найдешь или тебе помочь?

Хайтахун вдруг стал потрясающе спокойным, но в его голосе прозвучала нескрываемая угроза.

– Найду, не беспокойся. А ты не хочешь узнать, что я в клювике принес?

– Не хочу!

– Напрасно. Что ж, тогда я потопал. Но уж не обессудь, если к тебе в один прекрасный момент заявится Альберт, начальник охраны покойного Олега Колоскова, со своими «бы-

ками». Хотелось бы послушать ваш весьма занимательный, как я предполагаю, разговор, когда на твой упитанный живот поставят горячий утюг. Будь здоров, коллега. Покеда.

Никита с ленцой поднялся и не спеша направился к двери.

– Постой! – вскричал Хайтахун. – Вернись!

– Ну, вернулся. И что?

– Сядь! Поговорим...

Китаец вернулся на свое место, и Никита невольно поразился, как легко и свободно он двигался, несмотря на внушительные габариты. Похоже, под его жиром скрывались хорошо развитые мышцы и он явно был неплохо тренирован. «Опасный тип, – подумал Никита. – С ним ухо нужно держать остро. Дунгане испокон веков были разбойниками, а эта особенность обычно передается с генами. Как у кавказских абреков. Разбойная сущность не просто выглядывает из него, а буквально прет наружу».

– Выкладывай, что там у тебя, – продолжил Хайтахун, злобно глядя на Никиту.

– Учти, моя информация не для широкой общественности.

– Учту, – буркнул китаец.

Его лунообразное лицо из смуглого стало светло-желтым – шафрановым; видимо, так у него проявлялась бледность.

– У следствия есть подозрения, что Колосков не покончил жизнь самоубийством, а был кем-то застрелен, – молвил Никита.

– Допустим. Но я тут при чем?

– А при том, что по поручению неизвестного нанимателя, – Никита решил не впутывать Любку в это грязное дело, – ты следил за женой покойника. И результаты слежки продал Колоскову.

Хайтахун немного натянуто заулыбался и ответил:

– Ну и что? Это мои дела, и они ни в коей мере не касаются посторонних, в том числе и тебя. Я не вижу здесь никакого криминала, тем более такого, о котором ты тут треплешься.

– Не видишь? Тогда ты плохой детектив. Тебя угораздило бросить с горы маленький камешек, который вызвал лавину. Неужели ты думаешь, что выйдешь из этой ситуации без единой царапины?

Детектив долго изучал лицо Никиты, который изображал улыбку Чеширского Кота. Затем спросил:

– На кого ты работаешь? Кто тебя послал ко мне?

– Все эти вопросы стоят денег. Тебе ли это не знать. Но я добрый, я ничего не скажу, и ты останешься при своих кровных. Мало того, я готов заплатить тебе за информацию... но в разумных пределах! Видишь, какой я непрактичный. Мог бы сдать тебя куда нужно и получить за это добрый куш.

– Не хочешь сказать...

– Не хочу и не могу. Торговля тут неуместна, друг мой ситцевый.

– Ну хорошо, допустим, я следил за женой Колоскова...

– Не допустим, а точно следил.

– Не придирайся к формулировкам. Допустим, я продал ему материалы расследования. Но каким боком ты хочешь приклеить меня к убийству? Если это, конечно, не фантазии твоего клиента. Или менты зашевелились?

– Они уже полицаи.

– Один хрен!

– Каким боком, говоришь? А у самого соображалка совсем в отключке? Что ж, слушай, просвещаю. Все очень просто: Колосков наехал на любовников, и хахаль его жены недолго думая мочканул своего соперника, потому как понимал, что наш олигарх это дело так не оставит и зароет его на два метра вглубь. Все остались в выигрыше (естественно, за исключением покойника): ты с бабками в кармане, у Полины Колосковой вскоре появится новый любимый муж, заказчик убийства, который получит в наследство финансовую империю Колоскова. Говорят, что она тянет на несколько миллиардов зелены, – приврал Никита.

– Чепуха! Даже если все было так, как ты тут заливаешь, мое дело все равно сторона. Я всего лишь выполнял задание клиента. Слежка – это мое ремесло. А то, что я будто бы слил информацию Колоскову... так это еще нужно доказать. Но даже в этом случае я чист перед законом. Ведь я никого не убивал. Так что бери свою задницу в горсть и проваливай... коллега. – В голосе несколько успокоившегося Хайтахуна прозвучала насмешка.

– Я-то пойду... а вот тебя могут вынести отсюда вперед

ногами.

– С какой стати?

– Как думаешь, что первым делом должен сделать убийца в свете открывшихся обстоятельств? Верно – замести следы. А как это сделать? Предельно просто – избавиться от опасных свидетелей. И кто тут первый на очереди? Пальцем показать или сам догадаешься?

– Бред... Бред!

– Ты еще скажи – сивого мерина. Может, и бред, но если мысль связать убийство со слежкой за женой Колоскова пришла в голову одному человеку, то она придет и другому, уже из конторы. А партнеры Колоскова землю копытами роют, чтобы докопаться до истины. Они не верят в самоубийство. Сам понимаешь, российский бизнес не ограничивается договорами, есть еще и устные договоренности, которые нужно исполнять в обязательном порядке. А Колосков держал в руках чересчур много нитей, которые оборвались в одночасье. Такие вещи не прощают. Никому. И уж тем более какому-то пронире, который влез по самые уши туда, куда его не просили.

– Так, значит, ты работаешь на партнеров Колоскова? – попытался догадаться Хайтахун.

– Не все ли тебе равно? Открой мне имя любовника Полины Колосковой, и я даю слово, что отмажу тебя. Притом бесплатно! Тогда ты точно останешься в стороне и сохранишь не только дело, но и свою жизнь. Она еще тебе не надоела?

– Ну ты сказанул... – Китаец стал мрачнее грозовой тучи; видимо, до него начало доходить, что он здорово влип. – Мне только непонятно, с чего это ты такой добренький? Я тебе не брат, не сват и даже не приятель...

– Коллега. Ты мой коллега. А сдавать своих – это подлое дело. Мне бы очень не хотелось замараться. Ну что, идет? По рукам?

– Чтоб тебя разорвало! – выверился Хайтахун. – Откуда ты взялся на мою голову?!

– Дурашка... Ведь в данной ситуации я твой ангел-хранитель. Вернее, стрелочник. Переведу стрелки на другой путь – и никто твои шаловливые ручонки не положит под паровозик. Так что колись. Это твое единственное спасение.

– У-у-у... – застонал Хайтахун, обхватив голову руками. – Зачем я пошел на поводу у этой суки?!

– Ты о ком?

– Какая разница! Это тебя не касается.

– Ну нет уж, если начал, звони дальше. Ведь разговор у нас идет начистоту.

– Каким я был идиотом!.. – И Хайтахун выругался по-китайски.

Нужно сказать, что его «Као ни ма!» прозвучало очень выразительно и доходчиво, и Никита совершенно не сомневался, что перевод этой фразы на русский язык мог бы потешить любого сквернословия.

– Знаешь, почему я слил информацию Колоскову? – спро-

сил Хайтахун.

– Конечно. Деньги не пахнут, а большие – тем более. Так что шибко не винись. Ты всего лишь человек. А человек – существо слабое. Наверное, твой клиент был не в состоянии предложить тебе более достойное вознаграждение. То ли дело тот человек, которому ты предоставил свой отчет.

– Ни хрена ты не въезжаешь! Сначала я подкатился к жене Колоскова и попытался ее шантажировать...

– Ни хрена себе! А что она?

– Сначала сильно разозлилась, затем начала хохотать... долго хохотала. А потом... потом заплатила!

– Все-таки заплатила...

– Ага. Притом больше, чем я просил! Но с одним условием – чтобы я продал информацию еще и самому... Колоскову!

Никита едва с кресла не свалился от удивления. Он был наповал сражен этим признанием.

– Это... это правда?! Ты не брешешь? – спросил он запинаясь.

– Чего ради? Мы ведь с тобой договорились, что ты прикроешь мою задницу.

– Договорились. Но это же бред! Она что, с ума сошла на тот момент?

– Вот уж чего не знаю... Я получил бабки и свалил – довольный, как слон. А что там у нее было в голове, фиг его знает. Бабы – они такие...

Какие именно, Хайтахун не договорил. «Интересно, он женат?» – мельком подумал Никита, критически глянув на мятый костюм обрусевшего китайца. Ну, это вряд ли... Кривой и засаленный узел галстука, похожего на бычий хвост, могла завязать только лапа Хайтахуна с пальцами, напоминающими сардельки. Никакая женщина не позволила бы себе такого безобразия. Разве что какая-нибудь бомжиха.

– Ладно, разберемся... – Никита лихорадочно соображал; ситуация становилась все запутаннее и запутаннее. – И кто тот счастливчик, который удостоился отведать женских прелестей жены олигарха?

– Ты не поверишь. У меня самого голова пошла кругом, когда я его вычислил. Фамилия Шервинский тебе что-нибудь говорит?

Еще как говорит, подумал Никита и почувствовал, как ему за шиворот кто-то словно горсть снега кинул. Ни фи-га себе! Шервинский занимал второе место в списке кру-тых бизнесменов областного масштаба. Не исключено, что он был богаче самого Колоскова, только источники его бо-гатства происходили из криминальных сфер. Поговаривали, что Шервинский связан с мафией, которая контролировала один из каналов поступления в Россию афганской наркоты. А еще он торговал оружием и у него были высокие покрови-тели в Министерстве обороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.